

Михаил
Татьяна

ОБНИМАЮ...
ТВОЙ

Вологда
2005

1374478

...Одной из звезд в печальном русском небе

Эта переписка сохранились не полностью. Нет писем 1967 и первой половины 1968 года (заочное начало знакомства). От второй половины 1968 года остались в основном мои письма. У Михаила, напротив, сохранились письма последнего периода (вторая половина 1969 - начало 1970 г. г.), а моих нет совсем. Только на небольшом отрезке времен они образуют диалог. Однако и по сохранившимся фрагментам историю жизни и взаимоотношений можно представить достаточно хорошо.

У Михаила на поселении, в глухи, где почти нет внешних событий, письма большей частью духовные, философские. Освещается чрезвычайно важный период его жизни. Это единственный (кроме стихов) сохранившийся документ, свидетельствующий о выходе из кризиса в последние годы пятнадцатилетнего заключения. Здесь его душа, искренность, его любовь и ненависть... Здесь истоки его дальнейшего творчества, письма чрезвычайно обогащают понимание Сопина-поэта.

У меня подход скорее журналистский. Воссоздается политическая атмосфера в СССР в конце шестидесятых с наступлением эпохи застоя, вхождением в Прагу советских танков, на фоне этого - жизнь молодежной редакции провинции.

Замечу, что из боязни лагерной цензуры я писала не все.

Приложение «В стране Кунгурятии» наглядно демонстрирует, как глубоко уже созревало в обществе понимание: «Нет, ребята, все не так... Все не так, как надо».

Веяния эти к нам доходили с факультета журналистики Ленинградского университета, выпускники которого сформировали на тот период костяк редакции.

В диалог «Михаил-Татьяна» вплетается история жизни и письма пермской поэтессы Нины Чернец с их сильной лирической и трагической струей...

Писали мы только друг для друга. Но теперь Михаила нет, и все должно оставаться людям. Если кто-то благодаря этой публикации лучше поймет его творчество - будь считать свою задачу выполненной.

Татьяна Сопина.

После свидания летом 1968 года.

Миша!

Я думаю, все будет хорошо.

В дрючке (1) были вместе с Женей. Он ехал удить рыбу. Говорили на темы философии и морали. Он спросил, как я догадалась купить ему «Незнайку». Невразумительно пробормотала, что вот, мол, увидела в магазине красивую игрушку и решила подарить тому, у кого дети.

Дрючка останавливалась у каждого столба. Пассажиры выходили на насыпь, подолгу любуясь голубым небом и слушая пение птиц, в результате чего на Головную мы прибыли около девяти. В штабе, конечно, было уже пусто, но я разузнала адрес Матвеева(2) и пошла к нему домой. Он в этот момент брился - так и вышел, намыленный. Извинившись за вторжение в дом, я спросила, на какой рейс могу рассчитывать. Он ответил, что мне оставили билет на субботу на второй рейс, но так как самолет уже улетел, постараётся сделать на воскресенье. На этот рейс, правда, все билеты закуплены пионерским лагерем. Я заметила, что пионеры (особенно младшего возраста) весят меньше взрослого, так что возможно взять одного лишнего. Сказал - постараётся.

У порога общежития со мной поздоровался полный черноволосый мужчина и, уточнив, что я из газеты, поспешил пожаловаться. (Диалог: «Вы из какой «Правды»? - «Я из «Молодой Гвардии» (?)! Жалоба состояла в следующем. Заключенным выдали аттестаты. Видимо, желая похвастаться («И мы не лыком шиты - можем давать аттестаты) выдали за печатями МООП, на что ребята смертельно обиделись и отказались получать. Но теперь, кажется, будет нормально. Матвеев согласился, что это безобразие, и в Соликамск закажут новые аттестаты с нормальными печатями.

Сегодня чудесная погода! И комаров в Чепце нет.

Привет Коле, Жене и соответствующие пожелания гражданам охламоновым и их шефу гражданину Кляксису.(3)

Т. П.

...Нет, Миша, в стране Кунгурятии (4) невозможен нормальный ход вещей. Пришла, как договорились с товарищем Матвеевым, в 12. Его, конечно, нет. Через час, не вытерпев, пошла к нему домой. Он встретил в майке и домашних туфлях.

- А! - сказал бодро. - А билетов, оказывается, нет. Я по телефону спрашивал.

- Значит, я сегодня не улечу?

- Ага.

И все-таки я улетела - самым нахальным образом. Вошла без билета в самолет, обратилась ко второму пилоту: «Возьмите меня. У вас в самолете малыши, они легкие...» Он поколебался для приличия

и сделал вид, что меня не замечает. В результате я оказалась в Соликамске, а он с тремя рублями наличными.

В тот же день «поймала» самолет до Перми и в воскресенье вечером была дома.

Миша!

Я не буду писать тебе в течение месяца. У меня ничего не случилось, просто буду в таких условиях, что неоткуда посыпать письма. Вернусь и все расскажу.

Танька.

Август 1968 г.

...Я приеду к тебе по первой твоей просьбе. Ты знаешь, что значит для меня редакция, но потерять тебя - еще страшнее. Я поняла это здесь, в тайге, среди чужих людей...

Я вся измучилась. Постоянно кажется, что тебе плохо, умираешь. Особенно после того, как докторишка на «Горячем источнике» (5) рассказал, как опасна язва желудка. На днях услышала рассказ, что она залечивается медом. Надо уехать на пасеку и пожить. Но в твоих условиях это невозможно, а за два года Бог знает что может случиться... Я могла бы покупать мед и посыпать тебе, но ты же не станешь есть сам - раздашь другим.

То вспоминается, как ты просил помочь со стихами...

Тут я просто теряюсь. По своему опыту знаю, что стихи лучше пишутся в одиночестве. Если говорить об ошибках - это дело небольшой консультации. Я не Бог весть какой специалист, но на безрыбье и рак рыба. Уехать бы вместе куда-нибудь...

Я пробуду в тайге еще две недели, вернусь в Пермь через три. Надеюсь, ты к тому времени сходишь в врачу, все выяснишь и напишешь. А вдруг скажут: лечиться немедленно? Тогда я приеду и мы вместе убежим. А если поймают, я убью кого-нибудь из «этих», и пусть меня судят и убивают вместе с тобой.

Если же пока не так страшно... Почти не верю в это, но вдруг?

Придумала еще давно, с неделю назад. Я, конечно, буду работать. В сентябре выехать не смогу, так как Генка(6) уйдет в отпуск и я останусь в отделе одна. Ориентировочно намечала на ноябрьские праздники или на Новый Год. Говорят, когда женятся, дают три дня отпуска. Ноябрьские ближе по времени, но Новый Год мне симпатичнее. Елка! И вообще! В ноябре один лишний выходной (второй падает на субботу), а в Новый Год - два. А потом, зимой есть запасной дорожный вариант: до Чепца ходит автобус. Зимой можно побегать на лыжах... Ну это так. Последнее слово - за тобой.

А пока жду письма о здоровье. Ты должен написать всю правду. Если с тобой что-то случится, а я буду далеко - это мне на всю жизнь. Только сейчас, среди этой бесконечной ходьбы по буреломам, среди мошкеры, чужих людей я поняла, что при всем великолепнейшем отношении ко мне, например, Генки и др., в сущности, ты у меня один.

Это письмо, как и предыдущее, буду переправлять через случайных людей. Но надеюсь, за две-три недели доберется.

Подпись.

Руки замерзли - нет сил писать. Холода у нас, Миша. А мне не хочется надевать зимнюю одежду, так надоела. Все хочется в легком походить... будто лето не кончилось.

Сейчас я ходила на Кустовую. Там таких, как на твоем «адресе», нет. Мне открыли две девушки и сказали, что живут здесь месяц, а кто был раньше, не знают. Поспрашивала у соседей. Одни живут девять лет, другие - шесть. Они говорят, что знали в этой квартире Бочкаревых, Кузьминых, Семиных, а Белошайкиных - нет. Может, это был квартирант?

Даже не знаю, где теперь искать. Но может, этот Белошайкин уже сам отыскался?

Подпись.

29. 08. 68 г.

На конверте:

Как грусти тень
Недвижно над тобой
Буду стоять
В раздумье наклонен.

Любовь моя,
Ты все мое богатство,
Чем столько лет нелепых я живу.

Сентябрь
Миша!

Я не могу отвечать на твои письма. Как только начинаю перечитывать, плачу... Только мне кажется, они адресованы не мне, а другому человеку - лучше, чище и красивее, чем я.

Рассказала о тебе маме и папе. Мама поругала, что я как следует не узнала, что тебе нужно из теплых и других вещей. Когда я сказала папе, что выхожу замуж, он слегка растерялся:

«Но это, наверное, не только от тебя, но и от него зависит. Он что, дал тебе согласие?»

Миша, знаешь, почему я не написала перед отъездом на Байкал? Мне казалось, что я тот поход не выдержу: 250 километров по тайге звериными и охотниччьими тропами и без них по пересеченной местности с рюкзаком в 20 килограммов. А я ведь плохой спортсмен. Но все завершилось очень хорошо.

Из Иркутска я посыпала тебе «Двенадцать стульев», и из тайги дважды передавала письма - через старика-рыбака и с группой туристов из Красноярска.

Миша, я уже много раз начинала тебе писать, но не могу, не получается. Уж прости за косноязычие. Но я же ни разу над тобой не смеялась!

Скажи, когда мне к тебе приехать.

...Стыдно за свои караули. Это все не то, что я чувствую и хочу сказать. Но если не отправлю это письмо, то вообще ничего не смогу написать, и ты подумаешь незнамо что...

Мама убеждает меня, что все будет хорошо, ты вернешься живой и невредимый.

А когда у тебя день рождения?

Не знаю, Миша, как мне и быть. Я или плачу, или занимаюсь косноязычием.

Ответь на письма, что я из Сибири посыпала.

Твоя Танька.

Михаил
На конверте:
Сегодня двадцать первое число.
Кончается сентябрь.
Упал на травы иней.
И жизнь моя, как дом,
Оставленный на слом,
Пьет впадинами щек
Осенний ветер синий.

1. 9. 68 г.

Татьяна

Мишка, но ведь это неправда, что жизнь твоя - дом, оставленный на слом. Я хочу жить в этом доме, и никакой другой хаты не надо. Я, может, потому и выбрала тебя, что ты доступен ветрам...

У меня все хорошо. Не пишу длинное письмо - боюсь написать грустное. Здесь все хорошо, но нет ничего от тебя...

4. 9. 68 г.

Миша! Мне так тяжело. Почему-то кажется, что все хорошее будет, обязательно будет - но после нашей смерти. И хочется поскорее прожить жизнь, чтобы приблизиться к этому необыкновенно хорошему - хотя бы в мечтах. Я совсем не приспособлена к жизни, Миша.

(Зачеркнуто).

Это я нехорошо написала - выше. У меня есть почти все, о чем можно мечтать. Любимый человек. Любимая работа. Мать и отец, которые избавляют меня от постоянных занятий бытом. Здоровье. Мелкие разочарования и неурядицы на работе - но ведь без этого вообще был бы полный застой. Я вдруг подумала: я же очень счастливый человек, Миша!

А как надо читать мои письма?

Наверное, я очень глупо пишу, да?

Сейчас закат. У нас с тобой будет много-много закатов и

восходов. Целая вечность. А как же я раньше без тебя была? А знаешь, Миша, ты читай мои письма так же, как ты когда-то о себе сказал: будто я давно умерла. Знаешь, я чем больше думаю, тем больше, кажется, тебя понимаю. Броде я тебя догоняю.

Почему же остальные не понимают самого главного? Чего они крутятся, копошатся, чего они хотят?

Я знаю одну девушку, верней женщину. Она калека - с четырех лет полиомелит. Всю жизнь у нее нет счастья. Она приятный, добрый человек, но все парни, которые к ней ходили и даже, вроде, были неравнодушны, бросали ее. Кому нужна калека? Это страшно, но она действительно никому не нужна. В чем смысл ее жизни, Миша? Я тоже... могла бы так. Это мне просто повезло, что я нормальная.

Но что я могу для нее сделать? Даже часто посещать не могу - по двум причинам. Первая - очень некогда: работа, да и с тобой хочется побывать. Вторая... Стыдно об этом писать, но пусть уж будет как есть. Мне с ней скучно. Захожу, потому что стыдно забывать больного человека - по обязанности. А ведь у нее такие же права на жизнь, как у нас с тобой, и жизнь одна, и смерть впереди. Почему же - нам счастье, а ей - одни мучения?

И таких, наверное, ой как много...

Но это я взяла крайний случай: физическая неполноценность почти с рождения. А сколько таких же с духовными изъянами? С ними тоже скучно. Почему же жизнь так калечит?

Я слаба, Миша, и в философии, и в жизни. Не знаю вообще - для чего жила бы, если бы не была нужна тебе (если это, конечно, правда).

Миша! Если я тебе и вправду нужна - я тоже не умру без тебя...

А скоро мы встретимся.

Я никого не боюсь, когда мы с тобой.

Танька.

5 сентября 68 г.

Сегодня мама спросила, когда мы думаем расписаться. Я сказала: «В Новый Год». - «Но ведь заявление надо подавать за три месяца».

Такой порядок у нас в городе. А как там у вас? Если что - давай напишем да подадим, чтобы лишний раз не связываться с охламошками.

Сегодня мы пошли вчетвером - я, Алик, Боря Львов и фотограф Аркаша Кондрашев в обкомовскую столовую. Вдруг... ребята сворачивают не в столовую, а в сторону - в «Соки-воды». Я была без очков, и только когда Боря разлили полные с верхом стаканы и каждый взял свой, догадалась, что это не лимонад, а сухое вино. Потом каждому досталось еще по полстакана. Это мне очень помогло, потому что когда я вернулась в редакцию и Козыреву захотелось со мной поговорить, мне было легко, как Иешуа перед Пилатом. Понимаешь, Миша, я раньше слышала от ребят, но не верила - считала, преувеличивают. Только сейчас поняла, как же далеко - на

разных позициях - мы стоим. Совершенно не понимаем друг друга. Он сказал, что со мной очень тяжело разговаривать. Я не сказала ему этого же только потому, что вообще предпочитаю не разговаривать. Вернувшись в отдел, долго не замечала, что сижу одна. А потом пришел Алик и рассказал, как сейчас Козырев его «воспитывал». Я начала: «Объясни мне...» - «Ничего я не буду тебе объяснять». - «Ни как не могу найти с Германом общий язык». Я хотела спросить Алика - может, я в чем-то не права, но он не дал договорить: «Ну и Слава Богу, не должны же все люди иметь одинаковые мысли, иначе вообще кошмар будет». Потом добавил: «Иногда я могу давать по материалу в день. Но когда Козырев берется меня воспитывать, мне хочется несколько дней бродить по улицам, ничего не делая. Что поделать, если наш редактор не воодушевляет на работу».

Понимаешь, Миша, почему мне особенно грустно? Я уверена, что наша контора - и по задачам, и по составу - одно из лучших пристанищ для человека типа меня. Я слышала о некоторых других молодежных редакциях... все в нашу пользу. Ребята (каждый сам по себе) - молодые, способные. Называю всех подряд: Тамара Коркина, Генка, Лева Румянцев, Алик, Боря Львов, Димка - само собой. Только Ёжикова я не люблю. К примеру, в «Молодежи Мордовии», как пишет Тамарина сестра Валя, зав. отделом пропаганды - тетка лет 35. В первый же день, как Валя вышла на работу, эта тетка, как базарная баба, поругалась с сорокалетним сотрудником. У нас такое невозможно. И все-таки... не получается. Так куда же уходить отсюда - если придется?

Кстати, Ирина Христолюбова сейчас вообще не работает. Из «Лесника Прикамья» она ушла. Сегодня бегло с ней говорила. Собирается устраиваться методистом в областное управление культуры. А это... Нина там работала - год поваландалась, плюнула да ушла. Вот такое у нас будущее.

Ирино место у нас свободно. Димка просит ее назад взять - ему одному в комсомольском отделе тяжело. Я Иру спрашиваю: «Пошла бы назад?» - «Меня Козырев не возьмет». А я и сама знаю, что не возьмет. А если и возьмет - не сработаются.

Кстати, схватка в конторе назревает покрупнее. Что Деринг давно «тянет» на Козырева, я всегда знала. Но что Козырев на Деринга «потянул» - что-то новенькое. И причем, всерьез. Деринг - секретарь парторганизации, по статусу и в редакции, и в обкоме один из самых «крепких». Причем, Козырев сам же сагитировал Генку переехать в Пермь и на казенные деньги его перевез. А теперь схватились... и так резко. Дурак будет Козырев, если всерьез потянет. Ему же и так опираться не на кого. А уж добросовестнее Деринга (да еще хорошего журналиста!) вряд ли ему найти.

Миша, вот я пишу тебе все это... Вообще-то это ж наши внутренние дела. Но ведь ты уже - мой.

Как мне хочется с тобой встретиться! И чтобы был вечер и закат - долго-долго, и тихо-тихо было, ни ветерка. Миша, а может, я преувеличиваю? И жизнь не такая уж суматошная и нехорошая, как

чудится? Может, я сама во всем виновата? Ну ладно, это потом. А пока - я очень люблю тебя, Миша. Я поцеловала бы тебя в письме. но я никогда еще не целовала ребят сама даже наяву, а через бумагу и вовсе... неосозаемо. Я просто тебе очень верю, и без тебя - кажется - уже не существую. Мой «мастер».

Танька.

Миша ты должен писать. Таких, как я - «неустроенных» - чувствую, очень, очень много. И в верхах, и в низах. У меня «нет пороха», может быть, потому, что я женщина. Но ты должен писать - помочь всем...

... А ты мне сегодня опять снился. Только не такой, как на Байкале (улыбающийся и близкий), а хмурый, как на фотокарточке в последний день в мото-то-то. Мы с тобой были вместе в каком-то зале, но ты сидел впереди, а я стояла сзади у колонны и ждала, когда оглянешься. Но ты не оглянулся. Вышел вместе с народом. Я пошла в общежитие, и там мне сказали, что ты уехал...

Да, Миша! На днях слышала, что с лицами, осужденными на срок более трех лет, развод оформляется без суда. Просто делают запись в загсе. Надо эту выписку... из чего? Ну это уж твое дело - узнавать.

Миша, я верю тебе бесконечно во всем. И если это все правда - между нами, не нужно... «горько» за нашу с тобой жизнь, ведь мы среди людей самые счастливые. И правда, ты прав - иногда мне тоже стыдно за свое счастье, будто что-то уворовала. Это когда я читаю твои письма в тишине и каждому слову верю бесконечно. Но иногда в такой тишине становится чересчур грустно, потому что тебя рядом все-таки нет, и я начинаю бояться этой тишины, уйти поскорее «в шум», который дробит и режет все.

Наши спят. Комната одна, и надо гасить свет либо идти в кухню. А в кухню не хочется - хочется самой оставаться в темноте и тишине. Да, в той, «твоей» тишине, понял?

...Нам главное - дожить. Я как плохой пловец в море. Знаю, что там, за волнами, берег - ты, новый Год... Но это далеко. Пока самое главное - барахтаться. Волны и время сами принесут. Но если бы я не знала о «береге», о тебе. я бы барахталась в темноте. А сейчас? Помнишь, как ты говорил - в картинах? Высокие зеленые гребни, пронизанные солнцем. Да, внизу, конечно, пучина. но даже умирая, я буду видеть перед собой солнце.

Да нет, не умру... что ты. Это даже смешно. Просто во мне сейчас слишком много счастья и жизни, а когда всего чересчур, становится страшно за такой избыток. Суеверие - что-то должны отнять! - вот и появляются мысли о смерти. Я понятно говорю?

Вот там зачеркнуто наверху... Это я писала, что люблю тебя. Я ведь, Миша, тоже с трудом верила людям. Многие очень чужие. А тебя хочу - насовсем.

Росчерк.

8 сентября.

...Читаю твое письмо и не понимаю. Ты пишешь, что заболел горячкой. Это правда? В случае необходимости дай телеграмму о моем выезде. Уехать сейчас просто так - для меня потерять работу. Но потерять тебя еще страшнее, и если придется выбирать из двух зайцев, выбираю одного - тебя.

У меня нет больше слов. Ты все их знаешь. Думаю, сейчас (8 сентября) ты уже читаешь Булгакова. А я... вяжу тебе рукавички. Я немного умею. Уже связала третью первой.

Я буду твоя, Миша. Пока жива. Это так. Ты... все же постараися не грустить. А если - если... Ты уже знаешь.

Миша, осень пройдет. И зима пройдет. Это я утешаю тебя. И себя тоже. Не жду для себя легких путей. Но с тобой будет легче на любом пути. Пиши. Если очень болен - пиши срочно, телеграфириуй.

Росчерк.

13. 9. 68 г.

...Мне бывает очень тяжело. Я не умею жить. Порой кажется, что я недоразвитый урод, иногда - что родилась не в ту эпоху. Я не люблю плакаться, и ты не защищай меня.

Помнишь, ты хотел написать книгу, как «прошел все этапы»? Ведь ты остался человеком, и поэтому я тебя люблю. Ты напиши... Чтобы другие, вроде меня, становились мужественнее. Мне же было бы много хуже, если б у меня сейчас не было тебя. А если напишешь книгу - то не только мне, а очень многим поможешь. Как помогает мне сейчас «Мастер и Маргарита».

Миша, я люблю тебя, жду. Почему так странно - самый близкий мне человек оказался заключенным? Перебираю мысленно знакомых - никто из них не был так близок, как ты. И чем дальше, тем больше в том убеждаюсь. Я нисколько не боюсь тебя. А других немного боюсь. Почти всех. Только вот Генку не боюсь - может быть, потому что я частично его воспитанница, он меня защищает и во мне заинтересован. А может, потому и защищает, что заинтересован?.. Видишь, как я плохо обо всех думаю.

А у меня 25 августа был день рождения. Я нарочно тебе не писала, чтобы не тратился на телеграмму. Ты же и так был со мной! Однако настроение было препаршивое. В тот день пришла газета с моей заметкой - в мое отсутствие повернутой на 180 градусов. Речь шла о вводе наших войск в Чехословакию. Меня послали в передовую молодежную бригаду сделать отклик, но девчонки высказывались очень сдержанно. Они говорили, что, конечно, не могут не доверять правительству, но у одной из них в армии брат... А как бы я отнеслась, если бы это был мой брат? Строго так смотрели, настороженно. Я написала обтекаемо, общими словами, про доверие к правительству, но больше ничего. И вдруг читаю под настоящими фамилиями девчонок: «Мы горячо одобляем ввод войск...» А я получилась посредником между ними и тем враньем!!! Даже по той улице ходить не могу - вдруг встречу. Ведь не объяснишь! Теперь уже немного

пережила. Хочу верить, что тот случай - исключение. А то как же работать? А я люблю газету и никуда не хочу уходить.

Генка сейчас в отпуске. Я так жду его, без него беззащитно. Видишь, какая неприспособленная. А ведь ему тоже трудно, Миша. Он, правда, умеет «отлаиваться» направо и налево, но ведь он тоже не всегда бывает прав, а люди в таких случаях ранят беззастенчиво. Им неважно, что человек мучается.

После этой истории с девчонками я все больше отхожу от ребят. Особенно с тем, кто перевернул мой материал - Ежиков - не могу. Так холодно. Хорошо только, когда на задание ухожу. Вроде и сильной там становлюсь, и нужна кому-то. Но это я только тебе жалуюсь. А ведь так многие могут пожаловаться, верно?

Козыреву (7) в глаза говорят, что его не любят, но он относится к этому спокойно. В себе уверен! А вот Ежиков понимает свою приниженнность и, наверное, именно потому сделал так, что его, единственного в редакции, почти все (кроме меня и еще нескольких) называют Иваном Григорьевичем и на «Вы». Алик Иванов давно ощущает неприкаянность и ... ущербность, хотя он много лучше других. Что-то у нас все вкривь и вкося...

Помнишь, ты писал:

«Кончится выюга, метель уползет за хребет...»

Думаю, это будет после нашей смерти. Но для нас с тобой должно наступить раньше, ведь нас двое. Другим хуже - например, Ирине Христолюбовой. У неё нет такого, как ты. (8)

Прости за грустное письмо...

Твоя Танька.

Миша!

Вот я читаю твою фразу:

«Поварницын, Мамошин, Гудас...» - разделили какую-то общую для всех четверых судьбу - стали пить, бросили семью, бросили себя... приобретя какую-то общую для всех четверых болезнь. Почему та свобода, которую они, без сомнения, выстрадали, так жестоко и скоропостижно расправилась с ними - раздавив их, подмяв».

Я не знаю ни Мамошина, ни Гудаса.

Но мне странно, что ты сравниваешь себя и всех с Поварницыным - я считаю, что на 90 процентов в своих бедах виноват он сам.

Мы познакомились, когда он еще только вернулся, не работал, был брит. Там была пьянка, но он единственный из всех не пил, мне это понравилось и я попросила его проводить. Вместе шли домой, и он произвел очень хорошее впечатление.

Потом стал учиться в моей школе. Он был в седьмом классе, я преподавала в 9-11. От учителей слышала, что это один из лучших учеников, добросовестный, способный, хотя и «себе на уме» (что вполне естественно). Однажды мне поручили оформить стенд «Лучшие ученики школы», и я долго гонялась за Алешкой, чтобы

сфотографировать, но потом мы поговорили по душам - он сказал, что не хочет быть на виду, и мне это снова понравилось.

Они с Ниной (9) уже «ходили», было приятно за Нину. Однажды я пришла к ней...

Как сейчас вижу эту сцену. Стоим в полутемном вонючем коридоре, а она курит и говорит так спокойно, почти по-деловому: «Вешаться ведь, наверное, страшно, Танька?» - а глаза - лучше б я никогда не видела таких глаз.

Потом рассказала, что сделала аборт, впервые в жизни, это было тяжело и унизительно. Я спросила: «А как отнесся к этому Алешка?» - «Сделал вид, что не заметил. Он на эти дни просто исчез».

Конечно, это личное дело Нины - с кем жить и делать ли аборты. Но со стороны Алешки... видеть, как мучается близкий человек, и делать вид, что «он не при чем». Я такой любви не понимаю.

Потом я узнала, что она ему все простила. Ну простила так простила - ее дело. Хотя я все равно уже не верила в чистоту их отношений.

Однажды мы с Алешкой ходили по зимнему бульвару. Мне не нравилось, что он, рассуждая, слушает только себя. Не принимает никаких возражений, поднимает кверху палец: «Минуточку!» - и дальше говорит, говорит... как окончательные, не поддающиеся сомнению, «истины» довольно неумные. По-моему, чем человек умнее и выше, тем он больше сомневается в себе и прислушивается к другим, если, конечно, другие не окончательные дураки.

Когда я поделилась этим с Ниной, она сказала, что я не права, на самом деле он очень не глуп.

Однажды я зашла к Лиде Тихомировой. Была, говорит, здесь Нина... Сидела, курила, а потом: «Знаешь, Лида, а я - любовница. Никогда не была любовницей - а вот...» Лида говорит, ей стало очень жаль Нину, когда она вот так сказала. Нина чувствовала в своем положении что-то очень нехорошее.

Я понимаю девчонок, которые живут с ребятами «просто так». Если отношения при этом чистые, никакого унижения, нехорошего быть не может.

И у Нины Алешка не первый. Она была замужем, и еще одного «просто так» любила. Но она говорит, те ребята ее берегли. Уж не знаю, насколько они любили друг друга (муж-то ее любил точно, второй... не знаю, кабы любил, не бросил бы). Но - берегли. И поэтому она не чувствовала унижения, не называла себя так грубо, пренебрежительно - любовница.

Как-то Валерка Вин(8), сам достаточный подонок, но неглупый парень, сказал:

- Я не понимаю Нинку. Я ж ее знаю. Что она нашла в своем муже? Узкий, ограниченный...

А мне Нина объясняла:

- Я очень долго была одна, мне было одиноко и холодно. А Алешка был ласковый, все время ходил за мной, говорил, что любит. Мне это нравилось.

Весной я узнала, что Нина снова ждет ребенка, и все сомневается - рожать ли. Операции боялась, но и ребенка тоже - не очень-то хотела связываться с Алешкой всерьез. Она уж ему не верила. Я в душе была против Алешки, но - ?? Моя мать вовсю уговаривала Нину расписаться и жить нормально.

Помню очень неприятный момент. Я сидела в учительской. И вот кл. рук. Алешкиного класса стала говорить о нем - мол, парень, вроде ничего особенного, а надо же! - каким успехом у девушек пользуется. Жениться собирается... И не на ком-то, а на студентке университета, девушке из очень приличной семьи, и эта девушка его каждый вечер в школе ожидает. Я так и обомлела... Нинка от него ребенка ждет, спрашивает у меня и моей мамы совета, «идти ли за него», а он в это время - «с девушкой из приличной семьи»...

Я Нине ничего не сказала. И правильно сделала, потому что в нем, видать, совесть заговорила, и он сделал ей предложение.

Нина сначала отказалась.

Потом, когда моя мама стала уговаривать ее создать настоящую семью, Нина настроилась, но... опять потянулась волынка. Я говорю: «Что же не расписываетесь?» - «Не знаю. Теперь я и хотела бы, но он больше не предлагает. А напомнить - гордость не позволяет».

Не нравилась мне и такая деталь. Они жили втроем - Нина, Алешка с матерью. У тех двоих деньги свои, а у Нинки - свои. Причем, Нина говорит, что они ее деньги брали как собственные. Придет, бывало, с получкой, положит на буфет. Глядь - деньги убывают. Что-то сказать в положении «любовницы» неудобно. Его мать Нину не любила. Здесь я мать немного понимаю - ей тоже, наверное, как старому человеку хотелось видеть сына женатым, а не «просто так».

Наконец, они расписались. Нинка родила Таньку. Его мать обрадовалась: она маленьких вообще любит и давно мечтала девчонку понянчить. У неё-то все парни рождались. Помирились. Некоторое время жили хорошо. Я уже в школе не работала, но узнала от Нины, что Алешка школу бросил, чтоб по вечерам подрабатывать. Первое время деньги домой носил. Потом развел философию: зарплата - для семьи, а сверх того - «мое законное для выпивки». Нина не работала, концы с концами еле сводили. И вдруг новость - Алешкина мать ставит условие: «Буду нянчиться, если мне будут платить 15 рублей». Тогда уже Нина с Алексеем на одном бюджете жили, а мать в той же комнате - на своем. Это родному-то сыну! Я всех подробностей не знаю, но они часто ругались, Алешка то за Нину, то за мать вступается, а Нина говорила: «Кабы отделиться, мы с Алешкой хорошо бы жили. Его мать сбивает».

А дальше происходило вот что. Пока Нина была не замужем, все грозилась уйти, и Алешка за ней бегал - боялся потерять. А как почувствовал, что она ребенком связана, решил, что ему все можно. Ходил с какими-то компаниями... Его более всего устраивало, чтобы Нина не претендовала на большее, чем на роль домашней хозяйки. В разговоре мог бросить пренебрежительно: «Тебе этого не понять!» Это он-то - Нине!

Она не раз собиралась уйти. А потом призадумается: «Он без меня погибнет. Не удержится. А ведь «не конченый» человек...» Да и привязалась уже, родным стал. Отец дочки! «Особенно, - говорит, - когда он заболеет -вспомню, что здоровье на каторге потерял... Не могу, жаль его, все прощаю. Да и он... гуляет-гуляет, а потом приходит, прощения просит. Бешался даже из-за меня».

Но ты прости, Миша, меня его «вешание» всегда смешило. Он выбирал время, когда Нина рядом, и место, где все слышно. Делал петлю и начинал хрипеть. Сломя голову, она бежала, вынимала его из петли, после чего они мирились и некоторое время были очень ласковы и внимательны друг к другу.

Конечно, слава Богу, что ласковы и внимательны. Но что за спекуляция на чувствах близкого! Когда я действительно захочу повеситься, никому, не скажу, и постараюсь место выбрать подальше и способ наверняка. А тут разыгрывание комедий, кокетство, пижонство - не знаю как назвать.

Я бы, ей-Богу, на месте Нины сказала бы:

- Ну давай, вешайся, раз решил. Чего же ты?

Как Вася Волосатов Емельяну Черноземному из фельетона В. Катаева.

Нина говорит, что в таком случае он действительно мог бы повеситься. Может, и правда... Но условие остается - сделать это картино, на ее глазах, на людях, чтобы все видели, какой он несчастный и как она виновата.

У него жизненное убеждение было. Считал, что имеет МОРАЛЬНОЕ ПРАВО гулять и пьяствовать: «Я слишком долго был в заключении, настрадался и хочу компенсировать. Дома ты меня не удержишь». Нине это даже убедительным казалось. А мне - нет. Если истосковался по ощущениям разных сортов, нечего было заводить семью и портить жизнь другому.

Я бы ему сказала: «Скатертью дорога - гуляй, пей... год, три, десять. Нагуляешься - приходи, коли я к тому времени замуж не выйду. Посмотрю на тебя в новом качестве, понравишься ли».

Понимаешь, Миша, он все рассчитал. Обеспечил себе тыл - Нину с ребенком, и начал «компенсировать». Нина говорит, что она Алешкину натуру еще до замужества поняла, когда он на время абортов смылся. Но - слабая женщина... Поверила, что он исправится, ласки захотелось, защиты.

Недавно она сказала о нем очень точно:

- Он может сидеть на стуле и долго, красиво, убедительно рассуждать о мировых проблемах, добре, справедливости. А рядом будут лежать не колотые дрова. И он не догадается их расколоть, чтобы истопить печь и Таньке потеплее было. Правда, если я - сделает».

Ну вот. А финал ты знаешь. Впрочем, я на днях у н кажется, мирился. Я, конечно, за них порадовалась. Нинке матери-одиночке худо будет, и Алешке без нее тоже...

Сейчас Нина с Танькой в больнице. У Таньки

злокачественный понос. А когда за Танькой «Скорая» приезжала, Алешка пьяный валялся и одеяло на голову натягивал, чтобы врачи ничего не заметили.

Нина говорит: «Не будь Таньки - ни на секунду не осталась бы с Алехой»...

И вот я опять читаю твое письмо:

«Мы привыкли к СВОЕМУ до такой степени, что ВАШЕ ломает нам хребет, или вы свыклились, не замечаете своего того, что стало повседневным и неизбежным для вас, но роковым (почти) - для нас.

Читаю - и не понимаю, что ты хочешь этим сказать. Измерить Алешиними мерками весь мир? Не только себя (это твое дело), но и Мамошина, Гудаса и других, может быть, очень неплохих ребят? Почему ты всех ставишь в один ряд, противопоставляя «НАШЕ - ВАШЕМУ»?

И что это такое ВАШЕ? Нечистоплотность, расчет? Я вижу это в Алешке - извини, Миша, но вижу. Ты, по-моему, представляешь его не совсем таким. Ты видел его «в бедности». А теперь он «в богатстве» (девочки, компании и др.). И вот тут настоящей свиньей оказался. Извини, но это мое мнение.

А разводятся, пьют и обманывают страшно много людей, не зависимо, были или нет в заключении. Я знала семью - они оба, муж и жена, отсидели по 20 лет. Очень порядочные, интеллигентные, добрые. Это моя двоюродная бабушка, ее посадили вместе с мужем. Потом муж умер, а она вышла замуж за грузина и вместе уехали в Махарадзе. Мы с сестрой были у них в гостях.

И не только их припоминаю... При чем тут страдания. Я знала людей, которые на войне были героями. Один даже Героем Советского Союза. А вернулся, и как самая настоящая скотина, стал жену избивать. Его посадили за жестокости в семье. И правильно, по-моему.

Страдания, наверное, все-таки облагораживают людей. Но - кого как. Так нож может перерезать тростинку, поранить дуб и только слегка царапнуть по камню. А характер - это природные данные, плюс воспитание в семье, плюс самовоспитание, плюс, плюс... И тому подобное.

ТП.

Между прочим, у Алешки всегда было убеждение, что ты никогда не женишься. Он все время повторял это как козырь в пользу своего «права на гуляние».

1968 г. ?

Миша!

А ты «Двенадцать стульев» получил?

Любопытно - из каких городов ты получал мои письма из Сибири? Я их прямо в тайге передавала.

Аnekdot: «Чехословакия Дубчека дала». (Дубчик - первый

секретарь (?) ЦК партии Чехословакии).

А ты напрасно обругал Иофьева. Критик умный и тонкий, не в пример другим... Нет пустословия - но есть глубина и анализ. Фразы сдержанные, даже суховатые: скромность, которая украшает. Мне особенно нравится о Пушкине, Вертиńskом, о балете, спектакле о любви (забыла название) и др. Умеет ОЦЕНИВАТЬ СЕБЯ СО СТОРОНЫ (чего не хватает всем нам), отсюда - многогранность. Конечно, его оценки субъективны... но в этом - индивидуальность. А ты говоришь: «От всего этого прет боязнью сказать своё мнение».

Это один из моих любимых авторов, потому и послала.

А ты не обманываешь себя, передавая слова врачихи - «до ста лет доживешь»? Смотри, теперь живи.

Миша! (зачеркнуто). «Выколоти» у Нины фото ее, Тани и Алешки. Я специально для тебя делала (давно), а она забрала, сказала - отошлет. Но забывает.

...Все не то. Но когда, что - то? Я иногда по несколько раз в сутки умираю и рождаюсь... но это, пожалуй, слишком громко. Знаешь, жизнь, по-моему грустная. (зачеркнуто).

Не могу писать. Так много и так невозможно! Мне кажется... будет очень хорошо с тобой, Миша...

Росчерк.

Не могу говорить чужими словами. А хочу что-то сказать и тут же вспоминаю, что кто-то эти слова уже употребил.

Привет Коле, Жене - всем твоим.

На конверте от 15. 9. 68 г.:

«Лагерь - космодром, где каждая индивидуальность, каждая человеческая душа - ракета, программируемая жизнью. Иные списываются сразу. Другие взрываются на стенде (старте?), но немногим все же суждены большие достижения высот».

Переписка на одном листке:

Михаил - Татьяне:

Милая, я высыпаю тебе авторучку назад, высыпаю потому, что отгадал глубинный замысел твоей души: ты прислала ее мне, зная, что я верну обратно, верну, чтобы ты могла убедиться: если я пойму и верну, то задуманное тобой исполнится, и я тот, с кем тебе суждено идти рядом по жизни. Если даже я ошибся, что не исключено, то ты все равно согласись, что ты так хотела и так думала.

Да мне ведь и сделать приятное тебе что-либо - другой возможности нет.

Потому так и делаю. Ты прости мне, Таня, это я любя. Обнимаю тебя. Мишка.

1374478

Татьяна - Михаилу:

Дурак. (Сбоку: «Только не вздумай долго обдумывать и принимать всерьез, что я тебя обругала, а то тебе, как ребенку, каждое слово разъяснять надо, чтобы ты не цеплялся и не изводил себя за это слово до бесконечности»). Не сознаюсь. Я послала ее, чтобы ты писал, и - честное слово! - ни одной глубинной мысли у меня не было. Мне просто приятно было думать, что ты держишь ее в руках.

Отгадывай свои глубинные мысли, а у меня они слишком примитивны.

Почему у тебя какие-то подозрения? Что я - не искренне? Я по отношению к тебе вообще стараюсь ни одного чуть затемненного шага не сделать.

Коле привет и Жене.

Предлагаю эту твою записку в качестве передовой в специальный выпуск газеты кунголов для юношества «Ежедневные подозрения».

Вот когда ты написал, что нам надо встретиться раньше, и мне надо было что-то ответить, я по-настоящему мучилась. С одной стороны, обещала немедленно приехать, если тебе тяжело. С другой - сейчас сложно. Не стану вдаваться в тонкости, но это грозит потерей работы. Опять же, потерять тебя мне еще хуже. А ты этого сам не хотел! И т.д., и т.п. Я взяла на себя смелость (даже риск) отказать с учетом, что твоя просьба не была настойчивой, а ты - ты обещал! - что если положение будет действительно опасное, скажешь мне об этом без обиняков, прямо и откровенно. Верю в это.

Учи - скажешь!

Что же касается ручек... и прочих... Я не могу для тебя ничего жалеть, потому что мы теперь вместе. Мне будет стыдно, если начну жалеть. А ты хочешь утвердить во мне эту черту характера.

Только попробуй обидеться!

20. 9. 68 г.

... Сейчас была в театре - «Трехгрошовая опера» Брехта (Московский драматический им. Станиславского). Играли плохо, в конце явно торопились. Халтурят для провинции? А ведь эту вещь можно очень богато поставить.

А вот «Антигона» и «Медея» Жана Ануя мне очень понравились. Или просто я Ануя очень люблю, а другого исполнения не видела? Помнишь, я посыпала тебе книжонку «Спектакль идет сегодня»? Там есть немного про Ануя (Ануяля).

Миша! Мне больше всего представляется, как ты идешь - один - и разжигаешь костер (помнишь, ты показывал мне то место). Мне даже иногда кажется, что наша встреча была сном. Не может быть так хорошо в жизни, все это кончится трагически! Знаешь песню: «Гори, гори, моя звезда...» Мне все кажется, что эта песня про нас.

На днях Алешка с Ниной опять поссорились. Так тяжело было на них смотреть, будто дебри какие зашевелились.

Помнишь, ты сказал: «Мы умрем вместе». Так вот, если мы когда-то поссоримся так же, нудно и по мелочам, это и будет - «умрем вместе».

...А ты мне правда не приснился?

Только давай договоримся. Если будут какие несогласия (например, по общественным вопросам - помнишь, как ты сказал в лесу: «Не нужно об этом разговаривать»), то мы все равно будем разговаривать и спорить, а не таить в себе. Хуже всего - «Тебе этого не понять». Пусть даже временно ссориться... Если ты не приснился, никакие споры не помешают, а только сблизят.

Я тебе рубашку послала. Напиши - хоть немного подходит? Наверное, расцветка не та, да?

Таня.

...Почему не отвечает твоя сестра? (10) Может, у нее сменился адрес? Еще есть ход: бухгалтерия отчисляет алименты на имя Татарковой. Значит, известен адрес и инстанция, которая это дело контролирует (суд). Может ли этот суд выслать бумажку, что бывшая Кошелева замужем?

А не проконсультироваться ли по всем этим вопросам у твоего Васи, который учится в юридическом? Я и сама могла бы, но, во-первых, я его не знаю, а во-вторых, сейчас связь с Алешкой потеряна (Нина выгнала его за дело, какое я лично не простила бы), а Нина - неизвестно, знает ли адрес. Я, конечно, у Нины спрошу, но тебе, наверное, удобнее.

А ты видел сегодня солнечное затмение? Говорят, это в наших краях - последнее на ближайшие 200 лет.

ТП

... Представляю сейчас, что ты имеешь дело с «подштанниковыми»(2), как это тяжело и унизительно. Не думай об этом. Ну как мне сделать, чтобы не думал? Все пройдет, как болезнь...

У нас чудесная золотая осень. Мы ходили в лес и играли в бадминтон. Я все думала, как научу этой игре тебя. И тут началось затмение.

Это я пишу тебе, чтобы «не канючить» - я же обещала тебе быть сильной. Очень скучаю по тебе...

И потом, мне очень тяжело за Нину. Она вчера меня спрашивает: «Как ты думаешь, через семь лет Миша согласится повести 1 сентября Таньку в первый класс, как будто у нее есть папа?» Не могу я, Миша, тебе об этом писать...

Ты будь честным и добрым. Ничего-ничего больше от тебя не надо. Телеграмму твою получила, и так хорошо было. Ты только не уходи от меня, не умирай. Ты написал в одном письме такую штуку... Не могу повторить - не надо, Миша... Не хочу жить без тебя, зачем же ты пытаешь меня уже сейчас.

Прости, очень-очень прости - не знаю, за что.
 Твоя Танька.
 Марку с конверта пришли назад.

Михаил

22, сентябрь, 1968 г.

...Когда собираюсь писать, хочу сказать очень много о многом, в мыслях - масса свежих, выражающих чувства слов, но... начал писать - и все куда-то уходит. Остаются поношенные слова, дряхленькие мыслишки. Нет, Танька, ты поступила разумно и правильно, что сказала о наших отношениях родным.

Во-первых, все это так и есть.

Во-вторых, у тебя будет больше веры в меня и уверенности в себе, а это так необходимо.

Бумага у меня есть, очень много. Только одного мало - стихов, а еще меньше - хороших, дельных.

Потомки мои - ты. Как видишь, доставляю тебе я массу хлопот, только массу хлопот. А вот что могу сделать большое - и сам не знаю. Наверное, когда пойму окончательно, что я бездарь - убить себя, чтобы развязать тебе руки.

Мне легко сейчас. Настроение самое благодатное, хочу жить чертовски долго и красиво. Но вот уже сколько меня почти ни на минуту не покидает предчувствие чего-то кошмарного, непонятного и потому еще более тревожного, как мне кажется, почти неотвратимого... Ты не пугайся этого, потому что я сам не боюсь - а значит, тебе тоже не стоит. Я пытаюсь разгадать, что это, постоянно сравниваю, отыскиваю, отметая одно за другим... Знаю, пожалуй, только одно: убью себя, когда пойму окончательно, что я... маньяк. Я помню... ты спросила - с каких пор я пишу. Как злоказненная опухоль, меня преследует роковая весомость твоего так не случайно высказанного вопроса. О нет, я не солгал тогда. Первая проба пера восходит куда-то ко времени войны. Нет, я не солгал, но понял душой, сердцем и разумом, что... это не просто. Я даже запомнил выражение твоего лица - оно было грустно-сочувственным, ты либо не смогла, либо не хотела этого скрывать И вот сейчас опять мне напомнила... чтобы я не рвал этого мусора. Не бойся, Таня, я не стану рвать ни клочка, ни строфы, ни даже строки не стану рвать, потому что еще не убежден в собственной бездарности.

Знаешь, я на самом деле думаю над тем - чем бы мне заняться таким серьезным. Ведь если я сейчас начну, то, возможно еще что-то и сделаю. Времени-то еще немножко есть, правда. Пусть даже мной будет пройдена только третья пути, но правильного, нужного - я оправдаю смерть.

Сейчас я почему-то подумал о том, что ты можешь неверно истолковать ЭТО письмо, посчитать, что я тебя в чем-то упрекаю, заклинаю... Не делай этого, не думай. Ты - единственный близкий мне человек, кто обязан говорить мне ЛЮБУЮ правду. Иначе, иначе

нам труднее будет понимать друг друга, находить ошибки, труднее освобождаться от них. И еще я пишу тебе и спрашиваю совета, потому что верю в твою порядочность, честность и принципиальность. Я знаю, что даже если я не прав, тебе все равно будет трудно доказать мне это, но ты должна это делать - переубедить меня в моей дурацкой настороженности, неверии в себя. Хотя нет-нет, Таня, все это не то и не так, я пойму все сам.

Ты прости меня, прости, Танюша, я ведь все пишу, мараю бумагу, Таня, правда, а даже, как мне всегда кажется, написал что-то хорошее. Только вышлю потом, когда окончательно отболит душа, немного успокоюсь... Ты ведь не должна забывать о том, что моя панацея необходимости действует на меня отрезвляющее, помогает и дальше марать и пачкать...

Черт его знает, а может, и нервы еще шалят...

А у меня болит левое ухо, Таня. Простыл, наверное.

Вообще в голову лезет всякое: то мне вдруг покажется, что я зря связываю тебе руки, потому что никогда не смогу сделать тебя счастливой... Кажется, что я знаю это сейчас, знал раньше, но лгал, боялся, что если скажу правду, то потеряю тебя... А я не хочу терять тебя страшно, потому что кроме тебя у меня больше никого нет. Всякое-всякое лезет в мою усталую головушку, усталую и бесталанную.

Я послал тебе телеграмму, не знаю, поймешь ли ты ее. Я сообщал, что у меня все хорошо и у меня действительно все хорошо.

Просто вот только все думаю, думаю и думаю. Не знаю - о чем, не знаю - зачем, не знаю - сколько буду думать. Страшно и смешно: я хочу быть большим поэтом, с мировым именем, хочу еще при жизни убедиться в этом и... - совершенно не хочу... - только одного - жить. Вот курьёз-то какой, а?

Нет-нет, - сказывается титаническая, нечеловеческая усталость. Вот и сейчас, пишу тебе, а сам - сам хочу плакать, как истомившись от жажды родниковой воды. Да вот беда - не могу плакать просто, от предчувствий или еще от чего-нибудь. Смешные мысли, слова, сам я смешон. Ты больше пиши мне, когда будет выпадать свободное время.

Сумбурное письмо, правда, Таня, я даже не хотел и посыпал тебе его...

Сейчас около 22 вечера. И вот знаешь, я сижу перед окном, и вдруг слышу скрежет по стеклу, писк какой-то. Смотрю - в стекло бьется птичка. Так она билась несколько секунд, пока кто-то из ребят не подошел и не спугнул. Она улетела в ночь.

Говорят, что «она кому-то что-то предсказывает».

Может быть, и так, кто знает.

Ничего, осталось до встречи три месяца.

Я не хочу сейчас больше писать, отдохну.

А в следующий раз напишу и больше, и спокойнее. Такие письма будут расстраивать тебя, Таня.

Пусть Господь оберегает тебя от напастей.

Привет маме и папе. Захотелось прижаться щекой к твоей щеке,

которая почему-то должна быть холодной.

Твой Михаил.

П.С. Чуть не забыл - а где я возьму газету проверить лотерейный билет, который ты выслала, или я верну его тебе и ты проверишь сама?

Татьяна

Мишка!

Я тебя лупить не буду.

Почему не сообщаешь, получаешь ли мои бандероли, в данном случае - «Мастера» и свою тетрадь?

Генка придумал новые заглавия нашей газете (вместо «Молодой гвардии»):

«Утехи и успехи».

«Тихие успехи».

«Утехи и прорехи».

«Ежедневные подозрения».

«Вопли и сопли».

Я тебе уже полторы варежки связала. И еще кое-что купила. Вот соберу все вместе, пошлю.

Миша, мама (и я, конечно) все интересуемся, как можно похлопотать за тебя? Сестра говорит: пиши в Верховный Совет, сейчас нет таких сроков - за соучастие. Может, правда попробовать? Чего тебе там сидеть? Может, ты преувеличиваешь невозможность своего освобождения?

Знаешь, как я тебя жду! Что угодно сделаю - чтоб ты поскорее. Ты напиши, помоги нам!

Бегу - сам видишь по письму.

(Росчерк).

Число-?

...Ты спросил об Алике. Думала над этим целый день, а вечером мы долго, часов до 11, сидели в типографии с Генкой и я задала ему тот же вопрос. Они вместе учились. Генка сказала: «Я слишком хорошо его знаю, но не имею права рассказывать о нем больше, чем он сам захочет. А в двух словах - по нему слишком долго и грубо ходили в грязных сапогах, а Алик человек слабый. Да тот же Ваня Ежиков - разве он откажется при случае пройтись в грязных сапогах, скажем, по тебе?»

А все-таки мне, Миша, очень везет. В нашем отделе сидят самые приятные в редакции люди: Генка, Алик и Лева Румянцев. Лева - зав. спортивным отделом, добродушный, наивный, ни во что не вмешивается, а мнения свои высказывает, не стесняясь, хоть при ком. Например, Геру он называет «Хрен Михайлович».

Сейчас по радио передают «Лебединое озеро» в пересказе под музыку. А я слушаю и представляю... что Одетта - это я, а ты - принц, убивший филина. А филин - это знаешь, кто? Я потом скажу, кто филин.

Почему, говоря об Алике, я употребила слово ущербность? Я сама это чувство нередко испытывала, особенно когда не было тебя и Деринга. Как ему помочь? Не знаю, Миша. У нас с ним отношения хорошие. Но он пишет все хуже. А в институте, говорит Генка, подавал очень большие надежды. Свои ошибки Алик знает великолепно. Тем не менее, Герман считает своим долгом вызывать Алика на «проработку» и напоминать о недостатках, после чего у него опускаются руки еще больше. Мы ему говорим: «Плюнь», а он все равно переживает.

Тут все непросто. У него позади много личного. Разведен, а прежде был женат на дочери второго секретаря ЦК партии Эстонии. Пока!

...Но это не только я и Алик слабые. Вот я Генку считаю сильным, но если его не поддерживать, он тоже путается и скисает. Он мне иногда говорит: «Ты мне повторяй почаше - плевать, и я тебе то же самое буду говорить. А то я знаю, что все это глупости и не надо переживать, а все равно переживаю».

Не знаю, как с Аликом. Ему нужен друг на каждый день (например, жена), чтобы помогала «карабкаться». Просто не знаю, что делать.

На конверте:
 « Я перепутал все:
 Где вижу сны,
 Где вижу яви».

Я знаю: где-то есть клочок земли
 Для моего последнего жилища».

Бах, Гендель. Камерный ансамбль армянской филармонии.

Число - ?

...Купила маленькую книжонку - «Волшебный лотос», драма тайланда поэта Брэм Чайи. Что-то вроде «Ромео и Джульетты» в восточном изложении. Мистически-цветистое, красивое, как персидский ковер, очень возвышенное и печальное. Сражаются духи, происходят таинственные превращения, переселяются души... Заканчивается, как и положено, гибелью влюбленных и заключением мира между враждующими племенами. Потом влюбленные возносятся в небо, получая вознаграждение за страдания. А на земле кара обрушивается на убийц - начальника стражи и его воинов. По драме - это месть влюбленных, торжество справедливости. А с моей точки зрения, незаслуженно. Ведь они, воины, пали жертвой интриг - перессорились «верхи» (духи), а исполнять приказ послали слуг.

Исполнили - убиты, не исполнили бы - убили б другие. Конечно, эта современная точка зрения, а там средневековый эпос. И все же любопытно. Люди, в силу обстоятельств не имеющие права на собственное мнение... Возможно ли у нас такое? За мнение сейчас не убивают. Но убивают иначе - морально. А мы, слабаки, не можем противостоять.

... Мы как-то спорили с Генкой - что страшнее? - моральное уничтожение или физическое? Какие хуже пытки? Не мне, конечно, судить об этом. Я физических пыток очень боялась бы - нет слов... И все-таки мы пришли к выводу, что моральные не лучше. Вспомнили семью Третьяковичей. Через 15 лет после гибели Виктора его матери вручили Орден Отечественной войны Первой степени. А ранее - 15 лет во всех школах, в кино, по радио твердили, что ее сын предатель. У него был брат Михаил, и 15 лет Михаила «исследовали», подонок ли он (подобно брату). Каждый считал себя вправе подойти к нему и плюнуть в лицо, а он, заклейменный - ни-ни. Каждый праздник Победы для него - горе. Настолько затравили, что Михаил сам в себе стал сомневаться. Он же брата любил... но верил, что Виктор предал.

...Мишка, я тебе много написала, а поначалу в голове было совсем другое. Я хотела написать, чтобы ты... жил, потому что мне будет очень плохо без тебя.

Хочется сказать много больше. Но не имею на это морального права (зачеркнуто).

Ты только живи.

Нерешительная Танька, которую ты почему-то называешь своей.

Конец сентября, 68 г.

Миша!

Можешь сообщить «ох» и «хлю»(2), что я приеду с мамой. Мама очень обрадовалась, что я ее пригласила. Правда, я подумала: а где же мы остановимся? Но раз приглашаешь, наверное, предусмотрел.

Подтверждение о разводе, наверное, нужно, хотя по документам Кошелева уже Татаркова. Но мозги «кунгуротов» с одной только извилиной, а если извилины две - они все равно не пересекутся. Если здравый смысл подсказывает, что вышедшая вторично замуж женщина не может оставаться женой первого, кунгур без бумажки не осмелится это подтвердить. Только когда на солнце будет подвешена табличка с надписью «Солнце», а на море - «Море», он посмеет вслух назвать вещи своими именами. Уж такая у них психология.

ТП.

На счет сроков, Миша, я тебе уже писала. Генка вернулся, но сейчас в опале. Я, Генка, Алик, Лева - заодно. Козырев выбрал себе в поддержку Ежикова и еще одного товарища, имя которого я не хочу называть - я слишком его уважала. Но сейчас этому тов. нужна квартира, и он, мягко говоря, ведет себя непоследовательно. В отпуск

Козырев не собирается. т. к. сам караулит квартиру, а без его визы мне не выехать. Теперь он не уйдет: через месяц, 29 октября, 50-летие комсомола, а потом подписка. А если бы даже и ушел, вряд ли Генка меня отпустил бы. Появились штреябрехеры. И еще есть причина, она связана с.... и т.д. Если у тебя нет ЧП - пусть будет Новый год.

Ты спрашиваешь - хорошо ли, что передаешь приветы моим родным? Ну конечно, они тоже о тебе все время спрашивают и передают приветы!

Сегодня отослала тебе фото и еще одну книжку. Об Авроре и Кардиной я не слышала, но буду иметь в виду.

(Подпись)

Как, я думаю, поведут себя «ох-хлю» в загсе? Скорее всего, они вначале будут мялить и обнадеживать, ибо здравая часть их мозгов будет «за тебя», но неизвестно мнение начальства. А как только начальство скажет «нет», они уверенно и бесстрастно откажутся от любых обещаний. Так что лучше запастись бумажками, чтобы не портить нервы.

...Сейчас проявила пленку. Вы с Колей (поселенцем) оба получились, кажется, хорошо. Ты в нескольких местах даже немного похож. В некоторых - нет. Я уже во время съемки видела, что получаешься не таким, каким хотела тебя видеть.

Постарайся не думать о том, сколько осталось нам дней... Занимайся, читай... как будто я в соседней комнате. Я очень люблю тебя. Да.

А знаешь, люди хорошие есть. Они как солнечные зайчики. Не поймаешь, а кому-то светят. И от этого всем светло.

Росчерк.

Миша!

Ты у меня как не заживающая рана. Все думаю о тебе - и без тебя, и за тебя плохо. Вчера ждали знакомых с аэродрома. У нас квартира маленькая, и я ушла ночевать к подруге - Тане Сумароковой. Ее мужа не было дома. Мы долго сидели вдвоем... Рассказывала о тебе и еще больше расстроилась. Отослала твою тетрадь со стихами - будто тебя потеряла...

Сегодня позвонил Деринг. Я так ему обрадовалась! Он возмущался, что «зарубили» нашу анкету. Сказал: «Ты протяни как-нибудь, а я приеду и поругаюсь, сейчас неохота отпуск портить». Я даже духом воспрянула. Пришло письмо с Платошинской птицефабрики - интересное дело... Хочу съездить.

Ну ладно.

Будь только жив.

Росчерк.

Письмо на телеграфном бланке:

Сейчас зашла на почту. Очень болит голова - может, потому что в канторе красят.

На свете много сволочей. И человеку надо крепко держаться, чтобы оставаться самим собой. Но мы с тобой будем сильнее их, да?

Ты только будь здоров и пиши - хоть понемногу, но пиши, и я буду знать, что ТЫ ЕСТЬ.

Мы с тобой постараемся быть ЛЮДЬМИ, да?

Нам с Генкой сейчас плохо. А Альке хуже всех. Но это - ерунда, ведь тебе было много хуже, а остался человеком. Ты прости за сумбурное письмо.

Ничего.

И мне бывало хуже. Помню, как бродила по городу совсем одинокая, и мне ни один человек не был нужен, и я - никому. А сейчас - ты, работа, друзья...

Послезавтра еду в Платошино. У нас очень-очень желтая осень. Весь балкон усеян сухими цветными листами. Каждый день хожу на работу, усеянному кленовыми листьями, собираю самые красивые и дарю тому, кто понравится. А когда-то мне очень нравилось рисовать их акварелью: перетекание теплых тонов от красно-желто-зеленого в соломенно-бурое... Я буду жить, Мишка, пока жив ты. Это уж точно.

Вот так.

ТП.

(В письмо вложен кленовый лист).

Уезжаю сейчас - ненадолго, всего на два дня. У меня все хорошо. Верю, что у тебя тоже - просто задерживает почта.

Это письмо я пишу «нашей» ручкой.

Варежки связала и начала носки.

Будь здоров и всего-всего тебе доброго.

Танька, которая стала «твоей».

(В письмо вложен кленовый лист).

1 октября 68 г.

А ты меня правда напугал. Но - повезло: я получила сразу два твоих письма и последнее прочитала первым, а потом сверила числа и успокоилась.

Миша, я, наверное, никогда не смогу уберечь тебя от таких настроений, даже на воле и когда мы будем вместе. Поэтому одна просьба: В ТАКИЕ МОМЕНТЫ не делать окончательных выводов и особенно действий. Левитан не однажды стрелялся, а Есенин-таки прикончил себя...

Я с тобой становлюсь сильней, а без тебя раскисаю. Когда долго нет писем, начинаю ныть. Так что если я стану такой, какой хочешь меня видеть - сильной, смелой, терпеливой - это ты меня сделаешь. Только вот находчивой - вряд ли. Я от природы растяпа. И еще в детстве из-за упрямства меня бабушка называла ослом. (А я ее ответно

- «сто ослов», но на Вы).

Только что приехала из Платошино. Настроение хорошее. Девчонки, написавшие письмо, оказывается, затевали «бурю в стакане воды». Это и радостно, потому что пока проблемы растаяли, как папиросный дым, и грустно, потому что они все-таки есть, и девчонки еще столкнутся с ними в условиях гораздо более суровых. А если киснуть от «бури в стакане воды»...

Впрочем, я к ним слишком придирчива. Им же по 17-18 лет!

Как чудесно в Платошино! Великолепная желтая осень, в жизни такой не видела.

А варежки тебе все равно уже готовы и носки наполовину.

Папа говорит: «Ты передай Михаилу, пусть марки назад присыпает. Скажи, дескать, старик-отец с ума сходит, марки собирает». Вот и передаю. Это, конечно, шутка.

Письмо кончено - сажусь писать материал. Постарайся себя не мучить. А то я приеду, а от тебя одни моши останутся. Будешь на ветру шататься. Как же мы с тобой гулять в лес пойдем?

Танька.

... Написала тебе длинное письмо о Г.К., а посыпать не стала. Скажу только, что ты весьма наивен в отношении нашей «конторы» - упрекая в пассивном приятии Г.К. Так же я могу упрекать тебя в пассивном восприятии ох-хлю. На место Г.К. придет другой... может, хуже. Надо самому быть человеком, работать, постигать жизнь. А для этого - как говорят наши ребята, «побереги нервы для семейной жизни». Оснований говорить о нашей сплоченности, думаю, не больше, чем о вашей. А на счет общего дела... у вас ведь оно тоже общее: лесоразработки, план (ха-ха!!). Разве не повод - сплотиться? Я ведь тоже могу так рассуждать.

О маме: я думала взять ее из соображений, что с ней будет проще. Твой начальник постесняется пожилого интеллигентного человека и оставит тебя в покое. О том, что одним нам с тобой будет проще с квартирой, я подумывала и сама... Но есть гостиница для приезжих. Какие там порядки, как устраиваться? Я же ничего не знаю. О каких непредвиденных обстоятельствах ты пишешь?

Конечно, мне хочется провести эти дни с тобой наедине. Но я думала, что с мамой - серьезнее, красивее. Она ведь за меня переживает. Человек она тактичный и навязывать свое общество не будет. Боюсь ее обидеть, она ничего не сделала грубого и недоброжелательного. А если у нас предвидится нечто вроде свадьбы, то родственники... положены.

Бояться, наверное, можно трех моментов.

1. Нас не распишут, и мама будет возражать, чтобы мы были

«просто так». Но она не так глупа. И тут давно все решено без нее.

2. Негде будет жить. Но разве хотя бы одно место в гостинице не найдется? А мы с тобой будем мытариться.

3. Что маме нахамят. Маловероятно! Они боялись нахамить мне, а мама скорее контакты найдет, тем более, что с заключенными работала (на кирпичном заводе, где она была мастером).

Миша, ты спрашиваешь, почему у меня такие сухие письма. Так это же не письмо, а информация. Мне все время приходится себя обуздывать. А о чувствах... Я все-таки стесняюсь. Ты прости, Мишка, мне так хорошо читать твои письма, а ответить подобным - ну никак не могу. Я скучаю по тебе каждый день, особенно утром и по вечерам, когда ложусь спать и нет срочных забот. Вот так написала и уже неудобно.

Ты только живи, Миша.

Т.П.

...По долгу службы в райкомах мне положено общаться со вторыми секретарями (по идеологии). Второй секретарь в Куеде - некий Юра Чуклинов, следователь, который, оказывается, даже знает меня по университету (я его не помню). Два дня мы с ним ходили по комсомольским организациям, толковали о подписке. Ну и обо всем...

Юрий «доживает» в райкоме последние дни. По общему мнению, в нем ошиблись - «не потянул». Уже подобрана кандидатура на переизбрание. Даже меня он поражал какой-то вялостью. У него масса проблем, которые для других не существует (плохие дороги, болезнь, которую другой и за болезнь не посчитает...) Сказал, что делает подписку «для меня». И видимо, выполнит, хотя и без желания: он член партии. Так все-таки: для меня или для партии?

Отчего так? Скажем, чувствует лживость службы. Но и своего - ничего!

Парень не очень умный, не очень далекий. Стихи Решетова считает общественно-вредным явлением. Рассказала ему несколько случаев «из жизни». Про один сказал: «Не может быть», относительно другого возмутился. Когда я сказала, что все было именно так и никто не возмущался - не поверил. О чем с ним говорить? От него ушла жена. Посочувствовала, но подумала, что и сама вряд ли смогла бы такого полюбить.

Сейчас беседовала с Белиным, начальником «Союзпечати», а раньше с еще несколькими. Убедилась, что всю подписку вполне можно было бы сделать, займись этим серьезно пораньше. Кто должен был заняться? Райком. И мы, конечно. Белин сказал, что если бы я приехала на месяц раньше, все было бы в порядке.

Но я не приехала, потому что, во-первых, это не мой район. (Кстати, «мои районы» за год поменяли трижды. За Чердынский уже не отвечаю, но за мной записали Усолье-Уинск-Карагай-Суксун-Елово). А я поехала в Куеду-Октябрьское. Куеда - Левкин район. Левка не занялся им, потому что собрался уходить из конторы. Сейчас у

меня с Куедой наладились отличные отношения. Я могла бы закрепить его за собой - никто не стал бы возражать. Но не буду этого делать, потому что... чувствую непрочность своего положения - и в конторе, и в жизни.

Какая-то фантасмагория. С одной стороны, гостиница «Люкс», на вокзале встречают с машиной, секретари райкомов меня боятся, а мне искренне хочется их отругать. С другой - постоянное ощущение неправды. Если бы я высказала ВСЕ свои мысли честно, моментально оказалась бы внизу и люди наподобие Чуклинова стали бы с презрением говорить: «Не может быть». Каждую секунду я (как и ты, и Нина - без прав, без работы, без квартиры) помню об этом. Вот иду с Чуклиновым... чувствую его ничтожность (и он это чувствует, хотя я молчу); ему неловко, стыдно, а настроение - «что поделаешь». Требуется немного: высказать вслух сокровенные мысли, и Чуклинов тут же почувствует себя царем.

Эти мысли, в общем, не очень свежие и оригинальные. Я беседовала со многими (не говорю уж о студентах и рабочих - с райкомовцами!), и все в глубине понимают: что-то не так. Большинство таких мыслей боится. Сформулировать их... не могу. Может, так: наше общество - громадный бардак, в котором всем на все наплевать! Обкому - на меня, мне - на Чуклина, Чуклинову - на подписчиков... Чуклинов - жалкое звено. Я ему даже сочувствую. Он никому не интересен. Когда-то читала о юнкомах (юных комиссарах)... Какие это были ребята! У них была идея - мировой коммунизм. Для них проблемы, с какими мается Чуклинов, показались бы смехотворными.

Почему я сейчас работаю и даже могу держаться «на высоте»? У меня есть, по Генкиному выражению, толкач - наша контора и, в частности, сам Генка. Я агитирую за молодежные издания, и некоторые из них мне в самом деле нравятся. Но как только выгонят из конторы... уверяю тебя, никакими силами не заставят. Есть ли у меня убеждение, что читать газеты - нужно? Пожалуй, да. Даже плохие - от скуки - и то полезнее... чем пьянствовать. Но лично я их читать не буду. Уж лучше Салтыкова-Щедрина.

... Агитирую, потому что мне нравится работа, ребята. Могу сделать подписку «для них». Чем же, в таком случае, я отличаюсь от Чуклинова, пожелавшим сделать подписку «для меня»? Почему же я тогда так плохо о нем отзывалась?

Вот и запуталась я, Миша.

Уж прости, если не разберешься...

Т.

На конверте:
Хоронюсь потому я,
Что некуда больше спешить.

Где в минувшем лишь только
Мне видятся радость да лад.

Поклониться могиле,
Где спит - что меня родила.
Помолиться землице
За горькое счастье мое.

.....
Миша! Когда погибали на фронте - оставшиеся в живых говорили: «Мы за вас отомстим».

Сейчас по радио поют «Орленок». А утром - «Маленький трубач». Это передачи к 50-летию комсомола.

Кому отомстить за тебя? Кто враг? Может, он сидит как раз во мне? Иногда мне кажется, что я должна за это погибнуть. А вообще все так недолговечно и нереально... как облака на небе, что постоянно меняют форму.

Мне хочется оставить после своей смерти сына, который будет похож на тебя. И даже вырастить его хотя бы до шести-восьми лет, чтобы он меня запомнил.

Моя жизнь - блик. Вот он появился на миг под солнцем, на реке, но освещение переменится и он исчезнет. Блик, который зависит от солнца, от реки... от всего. Миша, это ничего, что я пишу - как бред?

Первым исполнителем «Орленка» был Александр Окаемов. Он учился в Пермском музыкальном училище. Его расстреляли в сорок третью, и когда вывели на расстрел, он запел «Орленка».

Миша, мне хочется перед смертью увидеть тебя. Ты прости за этот бред. Я совсем не сильная. Помнишь, я когда-то написала тебе, что люблю сильных ребят, а ты сказал: «Значит, надо быть нахальным?» Ты смешной. Совсем не нахальным. Девчонки все не сильные, но они любят, когда ребята понимают это без лишних слов и приходят к ним раз, другой, третий...

Это я уже не к тебе. Это - вообще. Я пишу, как слепой, который идет наугад и натыкается на все невпопад.

Миша, ко мне еще никто не относился так, как ты. И я не видела на тебя похожих. Ты приходи. Сегодня. Сейчас. А то мне все время что-то чудится - то мировая война, то...

Да нет, я не сошла с ума. Я как та Кузьмичиха у Решетова.

Ну ничего. Ничего. Уже четыре месяца прошло. Всего два осталось

...Десятки вариантов перебрала, как может сложиться наша судьба, и все, конечно, трагические. И понемногу все это уже пережила. А иногда кажется - будет хорошо. Но это хорошо - как висячий мостик над пропастью.

...Нагоняю на тебя мрак. Нет, Миша, ничего. Мы же все так живем. Только не всегда сознаемся. А для тебя - не ново.

Я держусь. И все у меня пока хорошо. И ты живи - хорошо?
Живи. Зима у нас уже наступила.

Т.

Не могу писать много - бегу в контору, а через несколько часов мы с Генкой уезжаем в Соликамск. Там все будем делать наспех, и тут наспех... Вот так - кратко. Посылку тебе отправит мама.

Миша, ты знаешь, почему я тебе долго не писала? Прости... обиделась. Не было писем почти две недели. Подумала, что ты меня забыл. Глупость, конечно, напридумывала.

А сегодня получила сразу четыре письма и две бандероли.

А я, Миша, ни в чем перед тобой не виновата. Только в том, что не приехала и сейчас долго не писала - нехорошо о тебе подумала.

О Мамошине и Гудасе не знаю, про Алеху могу написать. Нина выгнала его за то, что он заразил ее венерической болезнью. Не знаю вашей «общей психологии, из-за которой все ваши страдают», но... ужасно противно стало. Вряд ли я позволила бы после этого приблизиться к себе. А Нина, вроде, уже прощает.

Не могу больше ни секунды.

Т.

Миша! Если еще можешь - потерпи.

Уезжать безнаказанно нельзя.

Работаю по душе впервые в жизни (школу я так не любила). И это скоро кончится. Скорее всего, после «Молодой гвардии» в газетах больше не буду. До центральных не дотянуться, партийная «Звезда» - не по мне, районные и ведомственные - тоже. Здесь я живу каждым днем как последним, пока Генка меня защищает и прикрывает от лжи и др., могу искать себя профессионально, учиться. Возможность первая и последняя.

Я не хочу быть слабой зайчишкой, не нужна тебе такая. Нам с тобой придется еще очень трудно... И тебе нужен не слабый человек, а сильный и знающий, умеющий ориентироваться... (поясню при встрече).

Я тебя очень люблю. Если еще можешь - потерпи, пробуй писать. Добивайся освобождения, мы тебе поможем.

Очень люблю, очень жду, очень верю в тебя.

Обещаю больше не «киснуть»

Таня.

...Сегодня летела в командировку на самолете. Знаешь, у меня это бывает иногда - на самолете... летишь и вдруг совершенно явственно будто начинает играть орган, что-то вроде Баха. Очнешься, и снова одна трескотня.

Я уже забыла мелодию. А тогда она сопровождала без всяких с моей стороны усилий, я только боялась пошевелиться, чтобы не потерять.

Какие счастливые музыканты! Они слышат музыку в шуме листьев, грохоте колес, везде. Ромен Роллан писал: «Творить - это значит убивать смерть».

Говорят, способность слышать музыку там, где раньше человек

воспринимал один шум, развивается вместе с цивилизацией. Например, древнегреческие, древнегрузинские мелодии были очень примитивны. Симфония классика наших дней показалась бы слушателю древности сумасшедшей какофонией. Ухо воспитывается, приучается. Бах ввел многоголосие (фугу). Бетховен - диссонансы. Современникам Бетховена эти диссонансы казались кошмаром.

А сейчас по радио: «Просто я работаю, просто я работаю волшебником...» Ничего, вобщем, песенка. Мне когда-то нравилась. Но до чего примитивно - когда до бесконечности эта мелодия.

Генка первый начал называть нас «промокашками»(11).

Алик:

- Почему ты думаешь, что у меня нет своего мнения? Я хочу идти своим путем!

Генка:

- Какая храбрая промокашка!

Сегодня он развел свою теорию:

- У нас чрезвычайно мало внутренних сил, заставляющих делать что-то большое. Мы способны... если нас толкают. Постоянно ждем толчка извне. И этот толкач появляется - в виде дуба-администратора.

Сегодня он сказал на счет одного моего материала:

- У тебя действуют Лиды, Вали, Володи... А должны быть схватки идей.

Сначала мне это показалось упрощением. А по большому счету - так! Ведь Достоевский смог довести романы до полифонии именно благодаря схваткам идей. Знаешь, что самое страшное сейчас среди молодежи? Отсутствие всяких убеждений. Сталинские идеалы рухнули. Других... пока нет. Я как-то задумала тему: попросить учителей литературы в нескольких хороших школах Перми дать ученикам тему для сочинений: «Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденья, за любовь» (в номер, посвященный Дню Конституции). Причем, упор сделать на УБЕЖДЕНИЯХ. Писать, безусловно, из жизни.

Учителя было обрадованы. Нина тоже поддержала: «Если бы не было таких тем, не было бы Пушкиных». Главное, возраст подходящий, романтический: 15-17 лет.

И вот вчера учителя 77-й школы резко переменили мнение: «Наши дети настолько привыкли лгать, что они ничего интересного для вас не напишут. Изложат на бумаге, что положено - не больше и не меньше».

Ну и что? Винить учителей? Причем тут учителя? И все-таки нельзя же НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ, Миша. Мне глубоко противны «каплуны» (см. Салтыкова-Щедрина). А что делать, Миша? Я же тоже промокашка.

Ты спрашиваешь, почему я смотрю на закономерности как на трагедию? Но не думаешь ли, что мне - как, впрочем, и тебе - в силу закономерности не стоит ожидать веселого?

В одиночку было бы еще хуже. Вдвоем - верю в нашу книгу, в «Мастера и Маргариту». Но конец романа Булгакова закономерен. Принимаю его с радостью, но в этой радости много печали...

Но это ничего. Пройдет.

Да, Миша, я не отказываюсь от своих слов - приеду к тебе в случае необходимости, даже если это будет ценой потери работы. Но если можешь - пока потерпи. Нам обоим пока лучше, чтобы я работала.

Мне... все время хочется быть с тобой. Но у меня же есть еще девчата с Платошинской птицефермы, дети балатовских бараков и многое другое... нужно понять их судьбу, закономерности... Это тоже - ради тебя, ради «нашей» книги. Расширяется кругозор. Спешу понять все, чтобы осмыслить...

Ты писал, что если тяжело - вспоминаешь: «Было же хуже - выжил...» И это помогает справиться. Моя жизнь была легкой, светлой. Когда мне тяжело - ставлю рядом жизнь других и стыжусь своего нытья.

Но хочу знать о них как можно больше. Потому и мучаю тебя.

Твоя жена - мой милый-милый «мастер».

Т.П....

...Теперь я понимаю, почему так задерживает почта. Второй день в Соликамске, и второй день небо абсолютно беспроблемное, а на дорогах - грязь по колено. Значит - ни самолеты, ни машины...

Прочитала твои письма наспех перед отъездом. Ты просил писать о всех моих горестях, чтобы помочь... Но ведь это невозможно, Миша. Самые тяжкие мои горести сегодня счастливее твоего среднего положения. Надо быть совершенно бессовестной, чтобы в такой ситуации перекладывать «часть» на тебя. Может, потому мои письма кажутся сухими и туманными. Ты говоришь: если нельзя о работе, пиши о личном. Но у меня в личном - одно и то же: ты, беспокойство за тебя, и здесь ничего не меняется.

Вчера мы ехали с Генкой в автобусе, он рассказывал о своем отце. Он погиб в сорок третьем при форсировании Днепра. Отец был хирургом. За два месяца до гибели присыпал оптимистические письма: мы, мол, слава Богу, в тихих местах... Но в подтексте чудилось другое: «Столько раз проносило - неужели теперь не пронесет?» И я вот так же, почти суеверно думаю о тебе: «Пронесет... Все будет хорошо». Но думать, ждать, надеяться - мало. Надо что-то делать. Это очень хорошо, что ты написал про викалин. Если надо - пиши еще, даже если будет хлопотно - постараюсь достать. Нельзя же сравнивать какие-то хлопоты с болезнью! А викалина везде полно. Только ты не прислал рецепта, а его просто так не дают. К счастью, у нас есть знакомый врач, рецепт напишет, но в порядке исключения. Часто обращаться неудобно.

...Мишка, ты только держись, не падай духом. Тебе только тридцать семь (кстати, почему ты считаешь - 38, ты же с 31 года). Как-то по-японски считаешь. Это в Японии определяют возраст не

со дня рождения, а с зачатия.

А я смотрю - сколько скотов вокруг вдвое больше тебя прожили в отличных условиях, так и не выбравшись из скотства...

Вернулся Генка - уходим «служить». Росчерк.

(На обрывочках):

Миша!

Я тебе какое-то очень сумасшедшее письмо написала на днях. Прости - я там напреувеличивала.

У нас сегодня несчастный день. Во-первых, Борька Львов обрубил себе палец. У наших ребят есть такая манера - выполнять работу типографских специалистов и лезть куда не надо, например, собственноручно обрубать клише (свинцовую пластинку с изображением). Ну и сунул палец в станок, не заметил. Я зашла... думала, у него зуб болит: стоит бледный, нашатырь нюхает, чтобы в обморок не упасть. А он, оказывается, уже падал. Я этого не знала и еще приставала с какими-то вопросами.

Потом я опрокинула на себя тележку, на которых возят набор. К счастью, она была пустая - иначе все шрифты рассыпались бы, а это - новый набор, скандал. Говорят, однажды такое случилось, так весь коллектив цеха до пяти утра сидел...

Опрокинув тележку, измазалась; взяла тряпку и начала вытираять себя, думая, что она в бензине, а она - в масле! Но это уже на грани анекдота.

А вот теперь мне уже давно положено быть дома, а я сижу в цехе. Нашу матрицу (оттиск на картоне) пережгли, когда делали стереотип (оттиск на свинце). Будут «давить» заново. А мне подписывать газету - дежурю. Пока не будет готового оттиска на бумаге, уходить нельзя.

Но это тебе уже неинтересно. Производственная сторона... Это я знанием терминов похвасталась.

Сейчас в канторе... Не знаю, хорошо или плохо. Наверное, хорошо. Обстановка не нервная. Мы впятером свой листок делаем: я, Ризов, Иванов, Ежиков и Львов. Выйдет ли завтра Львов на работу? Наверное, выйдет... Кроме него, никто не умеет газету макетировать. Мы даже взаимные обиды позабыли - слишком мало народу, чтобы этим заниматься.

Все письмо какое-то производственное. Это потому что я целый день в типографии сижу и подумать даже больше не о чем.

Да, смешно. Сегодня мы собирали информации по области - по телефону. Все города отвечают нормально, а Кунгур... что-то невозможное. Алька звонит - там никто ничего не знает. Алька у телефона ждет. Деньги бегут. А они между собой затеяли дискуссию. Мне было веселее всех, потому что я одна знала про «кунгуротов». Потом «на том конце трубки» словно очнулись и стали кричать в телефон: «А?! Что?!» И вдруг повесили. Вот Иванов ругался!

Т.П.

Получила два твоих письма, мне очень хорошо от них...

Знаешь, я все хотела ответить на те твои четыре страшные - но никак не могла собраться. Ходила по улицам и сочиняла, но все не то. Я еще напишу, наверное. А пока - что я думала, когда мы с тобой были в лесу?

Я спросила тебя в лесу о том, когда ты начал писать, вот почему. Это важно для понимания. У тебя в стихах, по-моему, много чувства, но не хватает отточенности, вкуса, какая-то разъезженная глинистая дорога. Вот, например, если сравнить тебя и Володю Суворова (это тот юноша, который приносил в ред. стихи, я тебе еще посыпала: «Мама, мама, я простреленная птица...», «Лошадь», «Лестница» и др.; он кончил ист-фил в Туле, сейчас уже уехал из Перми навсегда). Так вот, вы по тематике и по взглядам похожи. Но у тебя запал чувств много больше. А у него стихи - лучше. Потому что они стройнее, цельнее, законченнее, ясна мысль. Нина сначала подумала, что это ты, и сказала: «Какой шаг вперед сделал Миша!»

Но ведь Володя кончил филологический, ему было где расти...

Если бы ты начал писать с раннего детства, если бы с тобой постоянно возились добрые тетушки и дядюшки и к 24 годам (до тюрьмы) овладел бы формой... У тебя, как я понимаю, иначе. Первые стихи ты написал подростком, потом отошел совсем... Вернулся к этому уже в полном одиночестве, в тюрьме, и все твои достижения - личное завоевание. Тогда это уже очень много. И выйдя на свободу, очень быстро наверстаешь упущенное. Ты и сейчас по «внутреннему запалу» сильнее Володи.

А я верю в тебя потому, что какие бы плохие стихи ты не писал (они бывают, ей-богу), ты - поэт в жизни и это, по-моему, главное. Лично для меня хватило бы просто поэта, а не литературного кумира. Это я тебя не утешаю, не думай, ей-богу. Просто мой взгляд на жизнь.

Не помню - как это было (когда мы разговаривали, я «что-то уловила и перевела разговор»). Скорей всего, как обычно, бездумно скакала с мысли на мысль... как те «каблукки» (у Суворова), а ты - как «лестница».

Очень верю в необходимость твоей писанины. Это в тебе главное. Поняла это, перечитывая тетрадку, и на многое стала смотреть иначе.

Про ручку... я тебе сразу написала, что отдаю. Только ее в бандероль вкладывать не разрешают, а посылку мама отсыпала без меня. Поэтому она пока дома. Так что ты все правильно загадал.

А что касается моего выражения - «разъезженная глинистая дорога» - по-моему, ничего особенного. Я сама себя так называю все время...

Мишка, не мучай себя, ну пожалуйста. И не плачь. Я тоже постараюсь не плакать. Советовать обратного не надо, я и так плака... при случае не упускаю. Как у вас погода, самолеты?

Кстати, что это за манера - то не получаю ни одного письма, то сразу несколько? Она (почта) по графику ходит или «как на душу ляжет»?

29. 10. 68 г.

Пермь. Людмила Дементьевна (моя мама) - Михаилу Мишенька, здравствуйте!

Порадовала быстрота реакции на получение бандероли с теплыми вещами.

Ваш документ о разводе хранится у меня и при необходимости будет переслан вам немедленно.

Мишенька, в чем у Вас крайняя нужда? Как обуты Вы (размер обуви?) Головной убор? (тоже размер) Конечно, сейчас нелегко купить теплые вещи, но будем стараться сделать все, что сможем. Северная зима - не шутка и ее нужно пережить с наименьшими потерями.

Помогает ли вам витамин?

Искренне хочется облегчить Ваше теперешнее положение.

С приветом

Мама Тани.

2 ноября 1968 г.

Миша!

Несколько дней (пять!) от тебя нет писем, и мне уже тревожно. Но это глупость, конечно, и невозможные желания. У меня даже так бывало: получу от тебя письмо, а через два часа опять бегу к почтовому ящику, хотя почта один раз в день ходит.

А то мне все кажется, что ты опять заболел и не можешь писать. Или поскорее хочется уехать в командировку, чтобы уж сразу потом за несколько дней узнать, есть письма или нет. Я сегодня должна была ехать по подписке в Усолье, но обкому не понравился район.

Справили мы юбилей. Мне понравилось, как это было 29-го. Мы сначала хотели 30-го, но... Начальство и другие ушли на торжества, во всей kontоре нас осталось четверо - я, Тамара, Димка и учетчица писем Наташа Маркушина. И пришел Ваня Байгулов (он несколько месяцев назад перешел от нас в издательство). Говорит: «Почему такие скучные, когда все празднуют?» Димка говорит, что у него зуб болит, а Тамара - что денег нет. А я говорю: «У меня три рубля есть», а Ваня: «В чем же дело?» Тут все и организовали. Вытребовали из типографии Иванова и вшестером, в школьном отделе. Любопытно Димка о своем детстве рассказывал. В пятом классе он сидел на первой парте, и подложив линейку под чернильницу, ею пружинил. Тут линейка сорвалась, чернильница взлетела и упала учителю на лысину. Он лысый был, учитель. На другой день он пришел, конечно, с вымытой головой, но в порах лысины еще долго оставались фиолетовые вкрапинки.

Димка рос без отца - тот был политруком и погиб в войну. Матери было не до него. Подростком связался со шпаной. В этой

компании было принято драться на ножах. И сам Димка пырял товарищей. Один раз нож ударил в ребро, только потому тогда пацан отделался сравнительно благополучно. А во второй раз - около виска. Ведь он, Димка, кажется, из татарчат, его отчество - Галелович. (Я даже не знаю, что это имя - Галел. Татарское? Или кавказское?). Его товарищи погибли или сидят по тюрьмам. Сам он выскочил из этой передряги, считает, чудом. Увлекся стихами и отстал от компании. В юности играл на трубе в оркестре кинотеатра. Закончил восемь классов и нефтяной техникум. А сегодня, 31 октября, Димке исполнилось 30 лет.

И вот сидели мы позавчера в получьме и пили, прости за выражение, водку. И входит Ежиков-Чижиков, Пыжиков-Дикообразов. Входит и удивляется, что мы тут сидим, пьем и поем. И говорит: «Вы хотите поехать за границу?», а ребята: «Ты сходи лучше за бутылкой». А он говорит, что непьющий. «Ладно, - сказал Ваня, - у тебя рубль есть?» - «Есть, но не дам». Тут все даже онемели от нахальства. Кто-то тихо сказал: «Надо его соленым огурцом из-за угла по голове». Тамара было вступилась, но Димка и Иванов враз сказали: «Темную». Пыжиков-Дикообразов в этот момент вышел, но тут же вернулся, и как ни в чем не бывало: «Чего сидите, пойдем на манифестацию». А Димка: «У меня зуб болит». А Иванов: «У меня ботинки рваные» - и для убедительности поднял ногу и поковырялся в дырке. Еж повернулся и ушел.

А вчера все наши, с женами и т.д. праздновали 50-летие официально. Я сбежала. Не люблю официально, особенно с женами. Я пошла в больницу к одной девочке, Юле Катуль. Она перенесла операцию на сердце, сейчас осложнение и, возможно, она умрет. Это очень славная и разумная для своих лет девочка, очень серьезная. И ей так хочется жить. Она рассказывала мне о своих подругах по московской клинике, где полгода лежала до и после операции. И часто после очередного рассказа добавляла: «Он умер». А я в свои 15 лет была наивной и легкомысленной.

Миша! А я вот читаю твое письмо (старое), и там такие смешные слова: «Я пошлю тебе телеграмму, но ты, конечно, получишь её... позже». Почему же я телеграмму должна получить позже письма?

ТП

Телеграмма Пермь - Глубинное, 15. 11. 68 г.
«Почему молчишь без тебя плохо Таня»

15 ноября, 68 г.

Улетаю, Миша.

Сначала - в Куду, оттуда - в Октябрьский. С утра мело. Первый рейс запоздал, но сейчас все пути открыты.

«То взлет, то посадка,

То снег, то дожди.

Сырая палатка -

Ты писем не жди.

Взойдет молчаливо
Над бровкой рассвет.
Уходишь - «счастливо!»
Приходишь - «Привет!»

Эта песня сложена летчиками про своего погибшего товарища Серегу Санина. Она начинается так:

«Мы шагаем по Петровке,
По Малой Бровке, по Малой Бровке...»

Вобщем-то, ничего особенного. Просто жил Серега Санин, молодой хороший парень. Стал летчиком. Однажды его самолет не дотянул до посадки... Простая, светлая и трагическая жизнь. Даже не трагическая. В миг, когда случилась трагедия, жизни уже не стало.

Получила твою телеграмму. Любопытно, что я получила ее через несколько часов после того, как послала свою. А потом сверила цифры: ты отоспал в 12 часов, я - в половине четвертого, а получила твою в семь вечера. Письма еще нет, но теперь знаю, что 15 ноября с тобой было все нормально. Уже хорошо.

Росчерк.

... На сегодня заказывала телефонный разговор с Глубиным, но не соединили. Нет телефонной связи. Я просто очень соскучилась, хотела услышать голос. Вот уже неделю в Перми - и за эту неделю ни одного письма...

Понимаю, что тебе (как, впрочем, и мне) трудно часто сообщать новости - их просто нет. Встречи не заменят никакое письмо. Но ты когда-то просил меня писать - много или мало, но писать...

Вот и пишу. Почему-то думаю, что ты обязательно вернешься в 1969-м.

А помнишь, я тебе рассказывала о неординарном милиционере Марате Булатове? Мы вчера с ним долго сидели. У него такое скверное настроение. Говорил, что работу в милиции очень любит, но, видимо, будет уходить.

Росчерк.

Миша, я никогда не подозревала тебя ни в каком предательстве. Может, я действительно писала что-то в этом роде, то, вероятно, имела в виду нечто другое. То есть, не «вероятно», а точно. А если бы заподозрила, то не показала бы виду (до окончательного убеждения), а потом просто ушла бы. Но это невозможно, ты сам понимаешь.

Сказать, как я представляла нас с тобой?

Например, я и ученик 8 класса. У меня знаний больше, а он - добрый и хороший - не может понять моих рассуждений. То они ему кажутся злыми, то неправильными... Я не могу (а иногда и не хочу) все объяснять, потому что мне нравится его чистота, потому что, в конце концов, и не объяснить - надо испытать... И в то же время он

мой единственный друг. Мне очень обидно и больно, что нет понимающего с полуслова, что друг видит меня «скошенно».

Вот так и мы с тобой, только я - ученик 8 класса, а ты - тот взрослый.

Но я, Миша, сама стараюсь понять тебя.

И если иногда смотрю «скошенно»...

Ты меня прости.

Например, ты задаешь некоторые вопросы. А я ведь ни с кем еще «по-настоящему» не была. Я просто не знаю.

Да, Миша, а тебе надо валенки? То есть, конечно, надо. А их в магазинах нет. Но буду искать.

С дрожжами, оказывается, в городе очень плохо. Сделаю возможное, но если не достану - спроси у Жени, что ему нужно еще, кроме дрожжей? И Коле что-нибудь надо бы. Посоветуй.

Ехать собираюсь так: Соликамск-Чепец - самолет. А разве есть еще путь? Слыхала, из Ныроба ходят автомашины, но до Ныроба добираться столько же, как из Перми до Соликамска. Сообщи все варианты.

Я послала такую телеграмму, потому что беспокоилась о тебе. Я и предположить не могла, что ты меня забыл, но думала, что-то случилось, и от этого мне было плохо.

Что тебе привезти от простуды, Медвежонок?

Танька.

От Нины, Алехи и от моих - привет.

Мишка!

Какие-то длинные-длинные дни.

Кажется, вечность прошла с тех пор, как я писала тебе о Юре Чуклинове. События, лица, имена, переезды... Вожатый Костя Кривенков, которого считают немного ненормальным, потому что он может, например, прийти на профсоюзное собрание с пионерской трубой. Прокурор Света, которая жила со мной в одном номере гостиницы: она приехала по делу мужа, которого посадили за кражу государственного зерна... Света убеждала меня, что 60 процентов преступников исправляются, потому что в лагерях хорошие коллективы, а потом призналась, что она - молодой специалист. Капитан Фанир: трепач хуже последней мочалки, похабник и Дон-Жуан. В Чаде он оказался, потому что сопровождает на родину труп своего друга, а труп вместо Чернушинского района по ошибке повезли в Монголию, и вот уже пять дней ожидает, когда железнодорожники исправят свои ошибки. В Бартыме у меня украли варежки, а было минус 37, и я бежала, обхватив металлическую ручку чемодана твоей книжкой «Ореховый шепот». А потом женщина, фамилию которой даже не знаю (зовут Зоя) подарила мне свои варежки. Вчера вечером вернулась из Бартыма в Чад, а потом не спала полночи, потому что показалось, что я выяснила в Бартыме не все возможное, и утром

поехала назад. И вот сейчас второй час ночи, сижу в гостях у музыканта Горина, который играет сразу на трубе, баяне, двух барабанах и тарелках (руками и ногами). Около двух в Октябрьский уходит поезд, а в девять утра мне уже надо быть на заводе Сарс, который от Октябрьского в семи километрах. В час - звонить в Куеду, а потом разбираться с бригадой строителей, где бригадир непременно хочет пожаловаться на Чернушинское ПТУ, выпускающего плохих штукатуров. А комсорг Галя утверждает, что девчонки сами виноваты - зачем не учились. Иногда мне кажется, что очень устала... а потом вдруг начинаю думать, что скоро умру, как те, в морге, о которых рассказывал капитан Фанир (у меня и сейчас его «картинки» перед глазами). И мне хочется поскорее увидеть все в жизни, как можно больше, на случай, если смерть настигнет внезапно - чтобы не было обидно. Или даже не внезапно... чтобы не было обидно, как героям Салтыкова-Щедрина, на месте которых вдруг стала представлять себя...

Танька.

Я тебе из Бартыма отправила одну оранжевую вещь.

Записка к посылке:

...Понимаю, что эта «вещь» (оранжевые плавки) не по сезону. Случилось так - я приехала на завод Сарс, зашли в магазин и увидели эти «штучки». Девчонки говорят: «Надо же, ребята в Перми страдают, а тут продаются и без всякой очереди». А у меня как раз с собой были деньги. Я и купила. Все равно мы с тобой поедем на Черное море! Сначала хотела не посыпать (зимой, в ледяной комариный край!), но подумала: зачем у себя держать? Тебе купила, пусть у тебя и будет. А потом... мне все время хочется что-нибудь тебе посыпать, и вот есть возможность.

Пусть все будет хорошо.

Росчерк.

...Сейчас вернулась из Октябрьского. Мы ехали до Кунгура в «газике» по заметленным дорогам, вбитые, как сельди в бочку, а потом на поезде. А дома - сразу три твоих письма! Мишка, чудак, неужели не понимаешь, что я люблю тебя?

Относительно вещей. Посылаю, потому что все время хочется делать тебе приятное. А писать много про любовь не могу... Это не мой стиль, манера, что ли. Кстати, так я не только к тебе отношусь (больше делать, а не говорить) - к Р.В. Коминой, например, к Волконской, большой девочке Юле...

А денег я сейчас получаю в два с половиной раза больше, чем ты. И вполне может наступить момент, что кормить меня будешь ты, и я тоже не должна буду чувствовать себя неловко.

А вот что - пришли клюквы, если у вас есть.

Так что видишь - в общении с тобой я вполне остаюсь собой. Ты меня ничуть не подавляешь.

Может, я люблю тебя плохо, но - как умею. И мне все время

хочется тебе писать: о дороге, о случайных знакомых, размышлении... Неужели не понимаешь, что я никому не пишу так много и часто?

...Многие твои представления обо мне - галлюцинации. Расстояние, твое положение... а встретимся, и галлюцинации рассеется, и мы поймем друг друга. Я стараюсь идти навстречу... Может, недостаточно быстро... Прости. Я всегда буду вспоминать тебя хорошо.

Ты спрашиваешь, почему я такая сдержанная в письмах? Прости, но если подходить философски - это, наверное, черта поколения, к которому принадлежу. Попробую разъяснить... При Сталине так истрепали высокие слова, что в противовес трескучести молодежь старается выражаться минимумом. Истины довольно избитые...

Только не хочу, чтобы ты это понял как упрек себе. Я люблю твои письма, люблю, когда ты говоришь много и красиво. От твоих писем хорошо. И уверена, что когда будет возможность, ты еще больше сделаешь, чем сейчас говоришь... Не мучайся, Мишка, слышишь?

О стихах - думаю, поймешь все правильно. Верю в тебя как в поэта, у тебя все есть - свое. Повторяться не буду.

...Ну перестань, Мишка, слышишь? Не выдумывай, н наговаривай на себя.

Я приеду к тебе одна.

...А телеграмму твою я всю командировку с собой возила в сумочке и перечитывала. Правда. Это я просто не написала...

Число - ?

...Все думаю над твоими словами:

«Все люди, с которыми мне приходилось встречаться, были больше самими собой, чем моими...»...что и я «больше своя, чем твоя». Но ведь и ты пока больше «свой», чем «мой».

Я представляю себе сближение двоих как-то так:

(Рисунок из сближающихся кружочков, в четырех стадиях, пока один не перекрывает другой).

Но ведь мы были знакомы, можно сказать, три дня. Трудно за такой срок найти полное понимание. И от себя отказываться не стоит - ты согласен?

Просто не сразу.

А ты мне очень помогаешь, Мишка. Ты напрасно думаешь, что я не пытаюсь понять тебя. Я просто не пишу об этом. Встречаясь с людьми, разговаривая с ними (тот же Чуклин, музыкант Горин, прокурорша из Октябрьской гостиницы...) и выстраивая в ряд, хочу понять наше общество и твое место в нем. Именно - твое. Я ведь не просто полюбила тебя за какую-то, скажем, особенную красоту. Ты в моей жизни - как совесть. Я стала глубже видеть. И от этого счастливее, смелее, независимее. Так ярче жить.

Да, может, я пока не совсем твоя. Но хочу идти к тебе, потому что ты сильнее и лучше. Я не выдержала бы таких испытаний, точно.

«Не совсем твоя» - в том смысле, что не такая, как ты, ты лучше (это как-то ужасно пошло написано, но не знаю, как выразиться). Я - промокашка. А ты выдержал. Но мне не хочется быть промокашкой. Потому ты мне дорог.

И еще потому, Миша, что я с тобой чувствую себя сильнее. Я уже писала, что всем наплевать друг на друга. И если есть хоть один в мире человек, которому никогда не будет на тебя наплевать, все становится иначе...

Скажем, если я попаду под поезд. Или еще что-то. Все равно буду нужна не как работник, а как человек, которого любят...

Пиши чаще, когда тяжело (Зачеркнуто). Я буду очень стараться понять тебя.

Т.

Число - ?

Мишка! Я, кажется, начинаю понимать, как это было здорово - когда солдаты, уходя в бой, получали из дома письма... Поехала я в Усолье, так и не дождавшись от тебя письма. Конечно, съезжу и так. А все-таки, лучше бы с письмом.

Я этот листочек в Березниках опущу. Мне кажется, оттуда быстрее до Глубинки дойдет.

Вот так: поехала я по подписке в ночь на субботу. В субботу-воскресенье все райкомы и предприятия не работают. Забавно, правда? Пришел Вин. Спрашивает, куда еду. Объясняю. Он даже рот от удивления раскрыл:

- Какой же смысл ехать на субботу-воскресенье?

- А какой смысл, - говорю, вообще в жизни?

Вин снова удивился:

- Всю жизнь я считал себя самым потрясающим циником. Но такого даже от себя не ожидал.

А днем мы вдруг узнали: в Перми, в 117 школе, выступает москвич, бывший узник Бухенвальда, военный летчик Е.Э. Кирш - активный участник Сопротивления. И уже уезжает! Я вызвалась его поймать и побеседовать.

Знаешь, что меня поразило? Он был удивительно выдержан и вежлив. Когда я пришла, до отправления оставался всего час, он еще не сдал номер в гостинице, не обедал, и вообще мог сказать: «Какой разговор наспех?». Но он отказался от обеда и готов был отвечать на самые глупые мои вопросы. Не знаю, напечатают ли - но вот дословно... Особенно поразил тон, каким это было сказано:

«19 апреля, после освобождения Бухенвальда, мы, бывшие узники, на торжественной поверке дали клятву посвятить свою жизнь борьбе с фашизмом. ПРИХОДИТСЯ быть верным этой клятве».

Приходится, понимаешь? Ему, может, и самому надоели эти бесконечные вопросы, корреспонденты вроде меня... Но он не отказывает никому, кто проявляет хоть малейший интерес. Чувствует обязанным донести до людей, до молодежи... Верен клятве, хотя его никто и не собирается проверять.

Забавно. Еду в вагоне, где проводница - ударник коммунистического труда, стройная, волосы чуть с проседью. Встала в проходе и - громко:

- Здравствуйте, товарищи!

Но пассажиры не привыкли к такому обращению. Они развалились на сиденьях, продолжают что-то обсуждать, роются в сумках.

- Здравствуйте, товарищи! - почти грозно повторяет проводница, и всердца:

- Фу, какая некультурная публика! Я же к вам обращаюсь. Подождите немного со своими разговорами. Почему вы сидите в шубе? Раздевайтесь!

Нестройно, нерешительно из соседнего купе доносится:

- Здравствуйте... - и проводница, неожиданно бойко обернувшись к ним:

- Приветик!

Еду я, Миша. Уже не пишется. Ночь, гаснет свет.
ТП.

Н и н а Ч е р н е ц

Здравствуй, мой милый человек... Могу ли я сердиться? Чего дурачишься? Молодцы вы, ну здорово все это, и я втайне раздуваюсь от самодовольства: есть в этом здании и мой маленький кирпичик. Танька - счастливая, любимая. Господи, ну и слава Богу, что хоть двоим повезло, и ей, моей бывшей несуразной человеке.

А ее здесь в городе многие знают - она всех располагает своей ДЕЯТЕЛЬНОЙ добротой, Дон-Кихотовской честностью. А может, и вправду теория малых дел в чем-то оправдывает себя...

Милый, милый дружочек, Мишенька, Мишка, дай Бог, чтобы солнышко улыбалось тебе почаще.

Лежит к тебе письмо незаконченное, тяжелое, Бог с ним. А я кручусь. Это уже сегодняшнее. Не желай исправлять Алешу - что за добродетель, если ее надо держать за ручку и тыкать носом в нехорошее место: не гадь, не гадь! Не надо, дорогой.

Были дни, как сумасшедшее колесо, были нудные и занятые, как затяжной безрадостный дождь - а я жива и почти весела. А когда уж совсем хотелось не быть и закрыть глаза от скуки, думала: ну да, это не очень весело, то есть даже совсем невесело. Пережуем. Т. е. я, конечно, пережую, одна.

Алеша пьет каждый день, ночует и не ночует, ходит в 10 и по-всякому. Я уж плюнула. Впрочем, стоит мне урваться в свой круг, к поэтам - он в беспокойстве бежит. Бог с ним, а совесть и через много лет заговорит. Я некоторые вещи через годы начинаю пересматривать.

Сделала двойные рамы, провела свет, а то три месяца при свече сидела. Отштукатурила. Сделали печь - жить можно вполне. Таня

заходит. Вася тоже. И друзья забегают. Вася - великолепный парень - препорядочный человек, кроме того, что тоже глушит напропалую. А в Таниной редакции никто из ребят не пьет. Дочуру вот понесу в ясли, а пока без работы. 80 рублей на троих - это «не очень». Однако, это скоро пройдет.

Только жаль Алешу: из-за меня маётся. Шишки любят только мою голову, зря он пошел рядом. Предупреждала. Ну маме никуда не деться - а другим-то на кой черт ко мне лезть. А я - стыдись за себя.

Сейчас затопила печку, Танюрка проснулась - успею ли стихи переписать, что за неделю написала. А месяца два не писала.

Да, вот сейчас у меня закурить нечего, у тебя бы перехватить! Далеко. Философствовать не буду - зря слова тратить. Ненавижу я настолько всякие тенета, очковтирательства, пузанов - что с ними один разговор. А раз не время - мать их за ногу, пусть празднуют.

Держись, дружок.

Жму руку тебе.

Нина.

Стихи береги - могу свои оборвьши потерять, некогда записать в тетрадь.

* * *

Не горюй ты, как над пищей:

Горе - не беда.

От добра - добра не ищут.

Это правда. Да.

Помрачнел от первой тучи,
От беды остыл.

Горе - это мне сподручней,
Станет больше сил.

Знаю - вычеркнет любая
На сердце пробел.
Тут, брат, каждый выбирает
Ношу по себе.

Я и завтра не забуду
Горького вчера.
Но от худа, но от худа
Не ищу добра.

* * *

Оплакивает небо всех,
Сравняв года с единым мигом,
Смешав и боль, и чей-то смех,
Готовый оборваться криком.

Льет струи светлые свои

Над чьей-то славой и бесславьем,
Не в силах приостановить,
Не в силах ничего поправить.

А после, выплакавшись всласть,
Сияет синевой победной,
Как старец, что плывет, как князь,
Подав медяк перед обедней.

* * *

Все окна раскрыты, и двери настежь.
Входи, если гонит тебя несчастье,
От выюги укрыться - не обогреться.
Входи, если некуда больше деться.

Входи. Здесь не нужный ты и лишний.
Хозяев не кличь. Хозяева вышли.
А если сперва в темноте непривычно,
В коробке нашаришь последнюю спичку.

Хозяева сами увязли в сугробах.
Решили, видно - враги до гробы,
Забыв, что и окна, и двери настежь,
Друг другу на голову шлют напасти.

* * *

Лес глух к заблудившимся. Лес не поможет.
Едва ли зажжешь этот хворост подмокший.
Последняя спичка осталась в запасе.
Вдруг выроню в темень иль ветер погасит?

Уймись, моя память! Не надо про темень.
Не надо про слабость... Не время, не время.
А пальцы озябли - уйми их попробуй.
Дрожат, как нарочно, в каком-то ознобе.

Сугробы, как лбы. Им погибель привычна.
Диктуют медвежьи лесные законы.
Зажжется костер. И расступится темень.
Последняя спичка. Последняя спичка...

* * *

Два глаза раненых, как угли, жгут.
Века здесь для нее, а не минуты.
Нет, крылья существуют не для пут,
Но лишь для них и созданы все путы.

Да, семь ветров приснились ей к утру.

Да, крылья плачут по седьмому небу.
Вот почему из самых добрых рук
Не надо птице ни воды, ни хлеба.

Ей доброта ладоней - впереди.
Когда хоть кроху клюнет с них в бессильи -
Рука, ероша перья, подтвердит,
Что, может быть, для пут у птицы крылья.

Вот так. Вот так и дыши, а говорить - нельзя. Не первую меня
режут со сборниками. Не первого тебя. Это впереди. Прости за почерк.
Таня беспокоится, покрикивает, и стряпать надо.
Всего тебе доброго, дружок.

Н и на Ч е р н е ц

Миша, здравствуй! Дрова у меня есть, я работаю, Таня (дочка)
в яслях. Сейчас обе с ней в больнице - дизентерия. Я за тебя спокойна,
Таня за тебя отвечает, а ты за нее. Слава Богу. За себя рассказала
главное. Главное? Увы, да. Об остальном не имею ни сил, ни энергии.
Ради Бога, держись там мужественней. Вот я, например, прямо какая-
то двужильная. Впрочем, будь сильней меня. Пиши чаще Тане. Все
будет хорошо. Понимаешь, все будет хорошо - все равно.

12.68.

М и х а и л - Т а т ь я н е

Да, так недолго разленился - хочу-хочу написать, но надежда
на твой скорый приезд удерживает. Янка, ты неправильно меня
поняла: я не хотел, чтоб ты говорила коллегам - куда и зачем
собираешься. А здесь - нечего и некому говорить. Все сказано, сказано
нами самими и - нам самим. Ну, ладно.

Получил письмо от Алешки...

Судя по его письму, он «исправился».

Янка, я все получил от тебя, очень благодарен. Нет-нет, все
это - не то и не так. Не то и не так...

Да, Янка, я и на самом деле был с тобой несколько сдержаным
- боялся тебя огорчить и вот не смог в полной мере отдать тебе все то
хорошее, что и мог и хотел бы. О Господи, опять эта колготня, не
дают дышать, думать, мешают писать и жить. Но - они тоже имеют
такие же права на жизнь.

Все эти дни у нас стоит теплая погода. Юго-западный ветер,
мороз 10-15. У меня очень мало (почти нет) надежд на встречу. И
когда это станет моим убеждением, все же я переживу все. Ибо так
надо. Только ты пойми. Янка, чего это будет стоить мне. Но, пусть
Бог тебя милует, не вздумай принимать никаких «шагов», которые
бы плохо для тебя кончились. Ведь тогда и мне будет плохо, даже
хуже, чем сейчас.

Обнимаю тебя, Яночка, пусть Бог хранит тебя.

Твой Михаил.

Привет родным. Я еще напишу вскорости.

22.12. 68 г.

Татьяна

Мишка!

Как мне хочется быть с тобой долго-долго. Даже ничего не говорить, а просто быть.

Мишка. Я просидела уже 15 минут, но ничего не могу добавить (зачеркнуто). Так многое думается, но ничто не могу передать бумаге. Все слова кажутся шиворот-навыворот. И жизнь течет шиворот-навыворот - и я в ней не по своей воле. Но как только меня выкинет из этого потока -буду как рыба на берегу. Или я все вру?

Мне хочется быть с тобой, Мишка.

Если б ты знал, сколько вариантов уже передумала.

В Усолье я перебиралась по едва замерзшей реке. В час ночи еще прошел речной трамвайчик, а в восемь утра по этому месту ужешли пешеходы. Льдины остановились, но не смерзлись, и со льдины на льдину перекинули доски. Люди пошли на работу и испугались, вернулись. А потом накидали еще досок, и некоторые решились. Я тоже пошла. Тогда, во время перехода, думать было некогда: следила, как бы не ступить мимо и не провалиться.

Испугалась уже в Усольской гостинице, и сразу подумала о тебе. Как же тогда ты?..

Но ведь этого тоже не следовало писать, Мишка. Ты будешь думать теперь, что я в командировках бываю в опасности, но это не так. Обратно мы шли уже по вполне плотной дороге. А умереть можно и на печи.

Боюсь писать - из суеверия. Боюсь, что если напишу плохое - так оно и будет, а если хорошее - то случится наоборот (назло). Я смотрю на слова на бумаге как на какие-то магические знаки, имеющие силу. Запечатленное на бумаге будет смеяться над человеком.

Как древние, высекая на скале животное, пораженное стрелой, верили, что так и будет на охоте...

Даже боюсь думать о встрече с тобой, чтобы не случилось наоборот.

Сегодня возвращаюсь домой после четырехдневной отлучки. Есть ли от тебя письма?

Но ты только не беспокойся. Мне всегда хорошо, если ты жив. И пока ты жив - со мной ничего не случится.

Т.

Предлагаю такой текст:

В Президиум Верховного Совета УССР

Прошение.

В 1956 году (число, месяц) за соучастие в краже велосипеда (с применением оружия) был привлечен к ответственности Сопин Михаил Николаевич, 1931 г. рождения. Раньше судим не был.....Он был осужден по статье.....на 18 лет заключения. В 19... году срок наказания был сокращен до 15 лет(в связи с чем?)

Сейчас отбывает наказание на поселении Глубинном, ст. Чепец, Чердынского района. Работает электриком. Замечаний по работе не имеет, не пьет. В течении пяти лет работал на общественных началах преподавателем вечерней школы для заключенных.

В настоящее время М.Н. Сопин тяжело болен.

Прошу рассмотреть вопрос о возможности помилования М.Н. Сопина.

С уважением, литсотрудник газеты «Молодая гвардия» Т. Продан.

(Подписалась так, потому что хочется «провернуть это дело» скорее, а не знаю - как. Я же официально пока тебе никто. К лучшему это или к худшему?

Самое главное - чтобы все, до единой мелочи, в прошении было правильно. Если у тебя были отягчающие обстоятельства при аресте - напиши, замечания во время заключения тоже. Я подумаю, стоит ли их писать. Если было что-то ярко положительное, не поддающееся сомнениям (вроде работы в вечерней школе на общественных началах) - тоже напиши, сейчас не до скромности. Главное - чтоб ничего нельзя было опровергнуть или добавить в качестве обвинения. Что нельзя доказать (и хорошее, и плохое) - не пиши.

...Как страшно долго тянутся дни. Не прошло и пяти дней, как расстались - а мне кажется, месяц. Написала в Верховный Совет - наверное, ты уже получил копию. Долго выбирала вариант, получилось так:

«Несколько месяцев назад в редакцию нашей газеты пришли стихи заключенного Михаила Николаевича Сопина. Это стихи талантливого человека.

Я познакомилась с М.Н. Сопиным. Он был осужден Харьковским судом в 1955 году сроком на 15 лет. В настоящее время отбывает наказание на поселении Глубинное Чердынского района Пермской области. Гражданин Сопин имеет положительные характеристики со стороны начальства, пользуется уважением товарищем. Во время пребывания в зоне пять лет преподавал на общественных началах в школе.

Мы просим рассмотреть вопрос о возможности сокращения срока наказания гражданину Сопину.

С уважением,
литсотрудник Т. Продан.»
(Ответа не было)

Открытка.

Миша! Пока не пишу - очень много работы, а еще сестра приехала.

Вернулся Генка, мне с ним, как рыбе в воде. А без него - как рыбе на крючке. В ближайшие несколько дней, возможно, еще писать не буду. У нас очень холодно, ужас как холодно. Я одну варежку уже связала. А на вторую нет времени.

Козырев собирается в отпуск. Ваня Б. - Генке:

- Даешь мне командировку?

- Стул не успеет остыть, как ты будешь в командировке!
Росчерк.

На конверте - карандашные заготовки:

«Размытые абрисы дней,
О которых я больше уже не жалею,
Застыли во мне,
Как ледок по осенним колеям...»

«В лицо настмашь
Садит стылый ветер».

«Лицом опять туда,
Откуда вышел».

«Только буйные травы поросли высоко-высоко по следам...
(затушевано).

Ручку я назад пришлю или привезу.

А от тебя, Миша, мне самое приятное сейчас будет, что ты существуешь, честен, понимаешь меня, не болен, не слишком изводишь себя и пишешь мне.

Танька.

Продолжение:

...

Миша! Я тебя люблю. Без тебя пусто. Я весь последний день ходила рядом с тобой и хотела предложить расписаться тут же. Теперь жалею, что не решилась. Не потому, что для меня бумажки что-то значат... А чтобы ты знал - я тебя не брошу.

Т.П.

Мишка,

ну и я, конечно, все поняла про ручку и нисколько не обиделась, а напротив, мне было приятно, что тебе захотелось сделать хорошее. Как ты этого не понял?

А выругалась я потому, что ты там написал, будто бы я посыпала с тайной мыслью, чтобы ты мне ее вернул, а это неправда, я посыпала потому, что мне хотелось сделать тебе что-то хорошее..

Ну Бог с ним, мы же отлично понимаем друг друга, и эта дискуссия не стоит выеденного яйца.

Мишка, это все не то, что я написала на предыдущей странице.

Я плакала всю ночь, мне страшно от твоего письма, чувствуя себя предателем - тебе плохо, а я здесь.

Мишка, я тебя люблю, я тебя очень люблю, и мне ничего не надо, только чтоб тебе было хорошо. Это правда.

Но как же - уйти сейчас из конторы?

Я знаю, что ты из благородства никогда не согласишься на это (зачеркнуто).

Мишка, ну раз уж пошла об этом речь - и я имею право спросить (хотя ни разу еще не спрашивала, считала, что ты сам сообщишь, когда будет нужно, хотя сама все время об этом думаю). Ты не пробовал освободиться раньше? Хлипко говорит, что это возможно. Почему же ты не хочешь? Год восемь месяцев или полгода - это же разница! А за год восемь месяцев мы можем умереть поодиночке. Значит, выход один - мне сейчас уйти из конторы.

И почему ты перестал писать, как у тебя дело с разводом?

Мишка, мне кажется, ты мне больше не веришь.

Я не знаю, что писать больше. Я тебя люблю, Мишка. Я тебя очень люблю.

Почему же не пытаешься освободиться? Это будет противоречить твоей гордости, убеждениям? Если это так - я не настаиваю. Но я тоже в неведении, ты пойми. Может, если раньше освободишься, мне и не надо уходить из конторы.

Мишка, прости меня за «дурака», за все, в чем я когда-то и где-то тебя обругала и обидела. Я же без злобы, просто сорвалось.

Я не знаю, как теперь писать. Мне кажется, ты презираешь меня, не веришь.

Миша, я тебя люблю.

(Подпись).

Миша, почему ты написал: «Листья летят в никуда...» Ты не веришь больше в жизнь?

Октябрь-ноябрь 68 г.

(На конверте:

Качнуло дым и ветром унесло.

И желтый лист летит, летит, летит.

Прощай, мой друг,

Прощай без лишних слов.

Прощай, мой друг,

Счастливого пути».

«Как ...? весною после половодья,
Так горьких дум года мои проходят».)
Нет, Миша,

мне никаких-никаких неприятностей из-за нашей переписки нет. Правда, тут одно время ходили слухи, и я действительно боялась (вероятно, ты почувствовал это по письмам, но то была моя мнительность, не более. Во всяком случае, о тебе знает (и будет знать) в нашей конторе только один Генка, он посоветовал больше никому не говорить, что и выполню. Но скоро Генка из конторы уходит, и это будет, пожалуй, самая большая неприятность. Все-таки хорошо было иметь такого сильного и умного товарища. Вот, например, поеду я в Новый год к тебе, начнется метель, застряну в аэропорту... Дам телеграмму Генке, и он придумает, что Козыреву наврать. А теперь и обратиться не к кому.

Непонимание как предательство? - ну разумеется, непонимание может стать предательством. Например, я чего-то не пойму и обругаю человека, или, что хуже, отзовусь о нем плохо среди людей, от которых зависит его жизнь. Сделаю это не из вредности, а по глупости, не пониманию. Вот тебе и предательство. А разве нет?

Что мне угрожает? Да ничего, ровным счетом. Правда, иногда бывает очень тяжело. Но без тебя со мной ничего серьезного не случится, я тебя уверяю. Буду вспоминать, что есть ты, и остальное станет несерьезным.

Ты пишешь об одеждах и «промокашках»(11). У нас ни у кого нет выхода, сплошной базар. Я сама ничего не понимаю. У меня пока есть только энергия (особенно, если ее поддерживают) и желание бродить, узнавать, помогать. Генка понимает ситуацию великолепно - в отличие от других. Этого только Козырев не понимает, но ему не дано - природа обделила, что поделаешь.

А тебе нравится Некрасов? Я когда-то была к нему равнодушна. А теперь читаю и он становится все ближе.

Сегодня метель.

Вроде, не холодно, только очень руки замерзли - видишь, как пишу.

Ты только постарайся очень не грустить, а то я буду грустить, да еще ты - это что же получится? А ведь мы с тобой должны быть счастливыми.

До свиданья... мой Мишка.

Все будет хорошо.

И мы уедем к морю.

Росчерк-подпись.

* * *

...Получила четыре твоих письма. Вчера отправила ботинки.

Я во многом виновата перед тобой, Миша. А именно - в том, что себя видела больше, чем тебя. Отсюда рассудочность, которую ты замечаешь.

Но не верь всем моим письмам. Я ведь не так часто пишу, что думаю. Все скажу лично...

Миша, я хочу, чтобы все было так, как ты пишешь. Чтобы - луг. И мы нагие, совсем не защищенные, и не бояться этой

незащищенности.

Миша, а к Новому году будет ходить мототележка? А если только лошадка - как я доберусь? Мне ж пешком 30 километров поциальному снегу не осилить, да еще через лес, зимой, в короткие дни?

Про отца, конечно, никакой тайны. Просто ты написал: «С мамой...» Я маме и предложила, а втроем дорого, и с квартирой проблемы. А на самом деле я одна приезду. А нам позволят быть вместе все время?

Про Чижикова ты не совсем правильно понял, но неважно, неохота сейчас про это говорить. Потом как-нибудь, при встрече - если будет настроение.

Мне очень дороги твои письма. Это единственное, что могу тебе сказать: ты у меня один, Мишка...

Мишка.

Т.

2 декабря 1968 г.

Миша!

До моего отъезда к тебе остаются считанные дни. Давай договоримся еще раз, как и что лучше сделать.

Понимаешь, насчет дрожжей Жене я уже не обещаю. Их нигде нет, последний шанс - у нашей учительницы писем Наташи мама работает в ресторане аэропорта. Наташа попробует попросить, но много нельзя - одну-две палочки. У нас дома их тоже нет, надо где-то доставать.

Хочу купить тебе валенки, но в магазинах нет. Говорят, бывают на базаре, но в эти морозы я слегка простыла, и чтобы не слечь окончательно, сижу дома.

Еще деталь... Мне как-то и писать об этом неудобно, даже думать, но есть опыт наших ребят. Если поехать в ночь на субботу, в воскресенье буду у тебя, а назад через неделю, тоже прихватив пару выходных дней. Ох-хлю могут заартачиться и не разрешить нам быть вместе целую неделю. Ты, конечно, все равно сбежишь, но из мелкой мести тебе могут «припомнить» (если, например, я буду просить о помиловании). В то же время Новый год - праздник, всякая выпивка в цене. Не привезти ли для ох-хлю какого-нибудь коньяка или «Столичной»? Как скажешь.

Да, еще: какие тебе привезти лекарства? Обидно, если будешь болеть в дни моего приезда. Но если уж такая судьба, не стесняйся сказать (даже дай телеграмму), какое нужно лечение.

Твоя Т.

3 декабря 1968 г.

Мишка, ну как объяснить тебе, почему я пишу мало и сухо? Если я скажу, что плачу, читая твои письма, не сплю по полночи, а потом сажусь писать и... не могу выдавить ни слова или рву написанное и бросаю в печку, потому что мне кажутся эти слова ложью (зачеркнуто).... чтобы они были правдивыми, надо одно: приехать и остаться с тобой до конца срока, а вот решиться на это не нахожу в себе сил. А отношение к тебе нисколько не изменилось. Я

думаю точно так же и больше, потому что убеждаюсь - ты у меня единственный такой был и будешь, и мне тоже «в этом самом отношении» плохо, и еще очень-очень много дум, которые расскажу...

Сегодня 3 декабря. Осталось от силы 25 дней до встречи, а там решим, как лучше. Вот видишь, я опять оттягиваю, а надо бы ехать сейчас, немедленно. Как же я после этого могу говорить о том, что давно хочется сделать?

Сейчас полоса страшных морозов. А ботинки, наверное, еще в пути. Думаю об этом постоянно, но что толку от дум, если помошь не приходит немедленно?

Ну вот, опять сижу целый час и не могу написать ни слова.

Мишка, я привезу Жене дрожжи. А что - тебе?

Я, конечно, опять сказала не то, что хотела, и мало. Но все-таки пошлю. Потом напишу еще.

Твоя Мишка.

Подпись к посылке 14. 12. 68 г.: «Не мерзни, пожалуйста».

Телеграмма Пермь - Глубинное от 27. 12. 68 г.:

Выезжаю сегодня

Миша!

Мне хочется иметь на свете одного-единственного человека, с кем могла бы быть искренней до конца. Которому я могла бы сказать все, не рискуя быть не понятой. С которым могла бы быть собой.

Необходимость таиться и скрываться - как же так? - не в тылу у врага, а среди близких... И так всю жизнь?

Есть только одно истинное, Миша. Это Некрасов:

«Иди к униженным,
Иди к обиженным,
Там нужен ты».

Или Булгаков:

«Никогда ничего не проси для себя, особенно у тех, кто сильнее».

Но и тут надо быть сильным, а значит, что-то таить, стыдиться.

Мне так хочется бесконечной искренности, Миша. Иногда это как удушье. Иногда почти незаметно. И все-таки с каждым месяцем я это чувствую, как будто кто веревки накидывает на шею.

Живи.

ТП

Я приkleю письмо к конверту так, что вынимать можно будет лишь одним способом: разорвав листок или конверт. Охота посмотреть, проверяют ли мои письма.

Посмотри, напиши.

Число?

Мне все кажется, я тебя чем-то обидела. Я ведь меньше твоего знаю. И вот так: напишу тебе чего-нибудь, не подумав, а ты всерьез принимаешь и переживаешь. И я боюсь, что однажды убью тебя

неосторожным словом или жестом, и сама не пойму, что наделала. Ты прости мне случайные грубости, это же не со зла. Правда, непонимание - это самое страшное, что разделяет людей. Но когда с обоих сторон есть желание пойти навстречу - ведь можно жить?

А знаешь, почему так пишу?

Я пришла сегодня к Нине. Ее дома не было, а был Алешка. И мы долго с Лешей сидели, разговаривали... Так... он о своей жизни рассказывал. Я вспомнила свое письмо о нем тебе и стало немного стыдно. Нет, я там правду писала, и сейчас так думаю. И все-таки та правда односторонняя, как, наверное, все «правды» на свете. Прощаю ли я Алешку? Нет, нисколько. Но ведь почти все люди в чем-то не порядочны, а я же с ними сосуществую, хотя осторожнее. Вот хотя Димка, который Г.К. поддержал. Я его раньше очень уважала - потом, когда увидела в нем предателя, возненавидела. А через несколько дней пошла с ненавистным мне ранее Ежиковым. Думаю: раз так, то не все ли равно - Ежиков или он? Он Генку трижды продавал, Генка говорил, что ненавидит... А сегодня Димка с Генкой ночью мирно писали вместе репортаж и остирили, а я носила им пирожки. Смотрела на них и думала - так же и Алешка с Ниной: он ее продавал, а она все равно с ним живет. Все одинаковые. Только верить таким людям не надо.

А тебе я верю, Миша. Чем больше гадостей и предательства вижу вокруг, тем больше тебе верю. И очень боюсь за тебя - будто мое счастье на паутинке висит. Я даже прикоснуться к нему боюсь, чтобы паутинка не оборвалась.

Т.

...Могу написать тебе только тысячу слов тревоги. Каждый день выхожу на улицу и констатирую, что погода далеко не всегда летная. Вот и сегодня - метет целый день. Сколько в таком случае смогу просидеть на аэродроме? В такую погоду и автобусы застрянут.

Вчера послала тебе валенки. Ну и склонная тетка их продавала. Я смотрела на нее и думала, что за 50 лет советской власти прогресс все же есть - такие экспонаты встретишь разве на базаре.

...Сейчас начала писать и получила два твоих письма. Ей-богу, Мишка, ты такими письмами заставишь тебя бояться. Это какой такой фантазии ты хочешь дать волю?

Нет, конечно, шучу, я верю тебе и нисколько не боюсь. Но я даже покраснела - хорошо, что рядом никого не было.

Вот ты пишешь - боишься, что из-за морозов не смогу приехать. А мне кажется: уж пусть лучше мороз. В мороз закутаться можно, зато погода летная. Мишка, а как я должна себя вести, чтоб не скомпроментировать? Я не знаю. Если будут спрашивать, скажу, что еду к мужу. Если укажут на отсутствие паспортного штампа - скажу, что еду расписаться. Газету я больше впутывать не хочу. Не хочу, чтобы нашими отношениями занимался обком.

...А ты, что ли, в тот раз был не смелый? А я и не поняла. Думала, что ты был очень смелый.

Ну ладно, это я опять тебя дразню.

А то будешь опять переживать...
Ты очень хороший был, Миша.

...Меня сегодня позвали на свадьбу. Как ни странно, я еще никогда не бывала на свадьбах: все мои подружки «выходили» в мое отсутствие или «втихоря». А сегодняшняя, молодежная, будет в университете, там весь ансамбль «Бригантина» и т. д. Не решила еще. Наверное, пойду.

Иду опускать письмо. Интересно, сколько времени оно пройдет в такую метель?

А «мотоштучка» (1) в те же дни ходит?
Подпись.

6. 01. 69

Телеграмма из Перми - Глубинное - Сопину Михаилу
Прилетела вчера футляр привезла флакон забыла

Татьяна

...А кто тебе сказал, что я плачу, чудак? Просто было немного грустно без твоих писем. А сегодня я получила целых два. Да еще Генка позвонил и бодрым голосом воодушевил меня, дав оценку некоторым последним событиям. И вовсе хорошо стало.

А знаешь, Мишка, я тебя тоже видела во сне только один раз - но очень ясно. Это была первая ночь на Байкале. Пароход бросил якорь метрах в 300-х от берега. На воду направили прожектора, и на скрещении их вода вспыхнула ярко-голубым. Лодка, которую спустили на воду, была видна в прозрачной воде полностью, до донышка, до досочки, до гвоздика. Потом она уплыла с первой партией пассажиров к берегу, а мы, оставшиеся, все стояли и смотрели вниз. Из глубины выплывали сотни, тысячи беловатых и светящихся то ли мальков, то ли раков, и даже там, куда прожектора не доставали - по темной воде проплывали светящиеся рыбы. Кто-то бросил в воду спичку, и она тоже засветилась без огня...

Я уехала к берегу четвертым или пятым рейсом. Берег был страшный. сырой, незнакомый. Влажный песок с совершенно прозрачной набегающей водой. Почти невидимые, но очень близкие горы. Мы забрались в недостроенный дом, расстелили на полу палатку. Вот там мне и приснился этот сон, который остался одним из самых ярких впечатлений от похода. В первые дни на Байкале мне часто снились необычные и яркие сны, и это производило впечатление едва ли не большее, чем события.

Приснилось, будто я как раз тут, на Байкале, в этом же месте выхожу то ли из кафе, то ли ресторана... а до нашего недостроенного домика с расстеленной на полу палаткой надо идти через ночной лес. Подходит незнакомый раскосый человек и предлагает проводить. Я вроде боюсь, но потом вспоминаю: это же во сне! - и соглашаюсь. Мы доходим до домика, но в нем никого нет, и тут он начинает ко

мне приставать. В страхе защищаюсь, забиваюсь в угол... Тут что-то случилось - я его оттолкнула, и вдруг почувствовала, что не боюсь! Так легко стало, радостно! Я его стукнула несколько раз, да еще, кажется, за шиворот схватила и отшвырнула. Вышла на улицу и пошла обратно по направлению к кафе - там должен быть город. Но зачем же по земле? По воздуху проще и свободней! И я пошла по воздуху, все выше и выше в яркое звездное небо. Тут понимаю, что все мои желания сейчас будут сбываться. Я пожелала увидеть тебя. Ты появился немедленно - так ясно, четко, как живой, особенно глаза и улыбка, и... помнишь, как ты опускал голову и хлопал ресницами по моим щекам? Потом ты уплыл, а я летела дальше, шагала уже прямо над озаренным огнями городом, чувствуя, что могу сделать очень много хорошего. Мне сказали, что на окраине города (далеко от Байкала) женщина с повозкой, ей надо помочь - и я поспешила туда, но опоздала (ее уже не было). Но я не огорчилась. Настроение оставалось приподнятым - полетела назад к Байкалу. Однако звездного неба уже не было. Поднявшись до верха, уткнулась в потолок, как в просторной деревенской избе. Полетела дальше - там оказалась еще одна очень просторная комната. Все-таки в плену себя не чувствовала. Долетела до двери - она оказалась закрытой. Знаешь, в старых домах бывают такие двери - с застекленным окошком наверху? Окошко оказалось с двойными рамами, стекла местами выбиты, а угол затянут радужной паутиной. Как рыба в Байкале, нырнула в это окошко, ни минуты не сомневаясь, что за дверьми - звездное небо. Я так была уверена, что вылечу из избы, что даже, как ты рыбка, поиграла, поплавала взад-вперед между рамами и в радужной паутине. И только хотела выскользнуть - проснулась, счастливая.

Странный сон, правда? Готовый фрагмент для романа. Какой-то символ. Это второй раз в моей жизни. Первый «символ» (может, даже более яркий) - приснился три с половиной года назад... Но тот был очень тяжелый, а этот - радостный. О первом я рассказывала Нине. Она даже вздрогнула: «Ну и сны тебе снятся».

А ты, Мишка, больно смелый в письмах на счет... ну сам знаешь. Я иногда читаю и краснею. А потом, когда уже запомню, на всякий случай зачеркиваю, а то самой стыдно.

Ты, Миша, спрашиваешь, почему мы прячем свои чувства? Наверное, это не простой вопрос... Боимся, что нас не поймут, обманут (я ведь тоже, как тебе ни покажется странным, с трудом верила людям). Но, может, даже не это главное. Мы боимся СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ НЕНАСТОЯЩНОСТИ - вот главное. Боимся обмануть себя и других. Хотим быть честными - вот почему предпочитаем не говорить прямо о чувствах, а посмеиваться над ними, чтобы в любой момент можно было защититься или... отказатьься.

Почему боимся ненастоящности? Может, считаем, что мало испытали... и правда, наше поколение сравнительно благополучное. Запоздалая зрелость, неуверенность в себе и в чувствах.

О Нине не пишу - она говорила, что на днях послала тебе

письмо. Бываю у них часто. На днях устроили Таньку в ясли. Я очень этому рада - хоть Нина немного освободится, повеселеет. Работать ей надо, бывать на людях. А то она почти год «от печи до порога» - поневоле с ума сойдешь. При ее-то вольном характере! А будет работать - и дом милее покажется. Я так думаю.

Мишка! У меня только сейчас «дошло» окончание твоего письма, где ты там «что-то уворовал», я даже расхохоталась. Ты уворовал? Ну и чудак. Да мне просто приятно тебе посыпать, вроде как свидание. А о большинстве моих посылок никто не знает. А и пусть теперь знают. Я от мамы уже не скрываю. Вот ты только «Мастера» верни, а то и мама плохо подумает, и журнал «Фото» не потеряй (я в новый год приеду и заберу) - его папа любит.

Брат мой - точно, Колька. В апреле 23 стукнет - ужас, какой мужик вымахал. А сестра - Оля. Она в Волжском живет.

Миша, тебе - серьезно. Ты все-таки старые стихи не жги. Там есть хорошее, а то ты - все смаху... Если очень противно - засунь куда-нибудь и пусть лежат. Потом вместе оценим. Что-то выберешь, что-то доделаешь. Уж раз меня нет рядом, чтобы отбирать и прятать... Помнишь, как Маргарита вытаскивала рукопись из огня?...

Миша, я больше не буду тебе канючить в письмах, как кунгур какой-то. Просто скучала без твоих писем (зачеркнуто) и чувствовала себя беззащитной без моей «заслонки» - Генки. Хотя пора бы, в моем возрасте, быть самостоятельнее. Мне даже казалось иногда, что я наделала каких-то ошибок по отношению к тебе - например, сказала родителям, тебе это не понравилось... Но теперь мне самой от таких мыслей стыдно.

Между прочим, у нас с мамой был разговор - уж не помню, о чем, только последнюю фразу мамы запомнила:

«Папа (т.е., мой папа) в случае чего на Мишину сторону встанет, он его защищать будет, а не тебя - он сам сидел».

Только уж, скажу правду, стихов мой отец не признает. Говорит, что не понимает их и считает чепухой. Ты уж его прости, ему 68 лет, не перевоспитаешь. А Маяковского он считает босяком.

Мишка, ну вот хочу написать, что люблю тебя - и как-то не могу. смущаюсь. Ну тебя!

Твоя Танька.

Целых два часа тебе письмо писала!

Кстати: ты когда пишешь так мелко и бледно стихи, позаборись хотя бы не о себе, а о потомках, которые глаза себе испортят, разбирая такой бисер. Если мало бумаги, пришлю. У меня есть тут еще одна лишняя тетрадочка. Надо?

Росчерк.

Тебе от папы и мамы привет. А Колька ничего о тебе не знает. Мал еще.

... Не выполнила твоей просьбы об Алеше. Тяжело писать об этом.

Сегодня пришла к Поварнициным. В квартире пусто, Танькиной кровати нет, дома одна Нинина мать. Она рассказала, что Нина лежит в больнице: дней пять назад Алеша избил ее в пьяном виде (кажется, по голове). Вызвали врача. и тот велел немедленно везти в стационар. Сейчас, говорит мать, Нина потеряла равновесие и ходит только «по стенке» - как оторвется, падает.

Таньку оставили на круглосуточном в яслях. Алешка где-то ходит, разыскивать его - никакого желания. Нинина мать показала мне замок, который она будет навешивать, потому что боится, что Алешка ограбит квартиру и будет ее бить. Она цеплялась за мои руки и умоляла никогда не выходить замуж, чтобы «не так, как моя Ниночка».

Все, Миша, не могу больше ни о чем писать. Тяжело.

Конька в магазинах сейчас нет. Появится - пришли.

Миша, я очень-очень тебя люблю. Я вижу тебя постоянно перед собой - днем, ночью, как живого, понимаешь?

Твоя Танька.

Мишка, милый!

Это ничего, что я тебя так называю? Но ведь это правда... я тебя люблю.

Спрашивала про иностранный язык.

Козырев:

- Ерунда! Ни один заочник не сдает иностранный язык, а если абитуриенту за 35 - и говорить не о чем. (Он сам кончал заочно).

Лена Орачева (обком комсомола, занимается поступающими в вузы):

- Если в аттестате есть оценка - сдают, а нет - освобождают.

- Но ведь человек учил язык... более 20 лет назад!

- Надо написать заявление в ректорат, объяснить причину и освободят.

Из деканата филфака - по телефону:

- Каждый случай освобождения рассматривается индивидуально. Переговорите с председателем приемной комиссии... Думаю, тебе боятся нечего. Освободят!

Эх, Мишка-Мишка.

Ну до чего же смешные бывают люди. Прихожу я сегодня утром как ни в чем не бывало в кабинет, а Наташа говорит:

- Герман уже несколько дней делает мне замечание, почему почту ты, а не Иван Ежиков подписывает. Он (Иван), говорит, зав. отделом писем, а ты просто переведена в этот отдел литеатрудником. Это он мне говорит, а тебе, наверное, боится сказать.

Вот есть у Германа такая черта - портить людям с утра

настроение. Главное, испортит, а сам не замечает. Я уже ничего не могла делать, пока не «отведу душу», поругавшись с Герасимом.

Дождалась, пока он сам в отдел придет. Говорю: «Только один вопрос, Гера. Если я литсотрудник, почему ты с меня планы отдела требуешь? Требуй с Ивана». - А я, - говорит, - с тебя только «Собеседник» и «Интересного человека» требую. А Иван ведет массовую работу.» - «Нет, - отвечаю, - всю массовую работу тоже я веду. Он сказал, что подумает.

Думал с полчаса. Потом позвал меня, и сказал все начистоту. Что, впрочем, я и ожидала от него услышать. Вобщем, мы друг друга поняли.

Видишь ли, в чем дело. Нас с Иваном поменяли местами с тем, чтобы тот «потянул» Ленинскую тематику (когда Гена ушел, я одна это делать отказалась). Но Ванька Ленинскую тематику не потянул и в идеологическом отделе вообще ничего не сделал. Это все видят, и сам Герман мне прямо сказал, что дальше там держать Ивана нет смысла. В то же время у меня в отделе писем стало что-то получаться; по крайней мере, Иван «Собеседника» не сделал, а я первый выпуск сделала, говорят, удачно. Герман у меня «Собеседник» отнимать не хочет, а это - отдел писем. В то же время Иван не быть начальником не может. Перевести его сейчас в литературные сотрудники - невыносимое оскорбление минус 35 рублей месячной заработной платы. Конечно, проще оставить меня литсотрудником с окладом 80 рублей и его «завом» с окладом в 115. Но куда же поставить Ивана «завом»? В идеологическом - не тянет, в комсомольском - не потянет, остается - писем. Но там место занято, и выгонять того человека не хочется. Остается одно - понизить. Главное, говорит это Гераська таким оправдывающимся тоном, длинно, путано... Просто неудобно за него. Решил - будь хотя бы тверд.

Я ответила, что в завы не рвусь, работа нравится, но быть у Ивана в подчинении не согласна, и он сам должен понимать - почему. Он ответил, что да, конечно, понимает, и т.д. Так поговорили мы с ним поговорили, и решили, что я буду числиться литсотрудником идеологического отдела, а работать с письмами. Герман подтвердил, что я могу по своему вкусу выбирать любые письма, а что похоже, оставлять Ивану. Вот так мило мы все это порешали. Я сказала, что готова подчиняться Тамаре, Диме, Алику, только не Ивану - Герман подумал и остановился на Алике. Как выразился Генка, Алик вырвался на одну ноздрю вперед».

Какая-то грустная до смешного история. Козырев в своем репертуаре. Но в этом ничего, кроме юмора, усматривать не стоит. У меня есть дело, есть ты, есть официальное разрешение редактора выбирать для себя самые интересные письма, есть друзья... жаловаться грех. Надо жить и работать, думать о своих заботах и нашем с тобой будущем, и по возможности «пропускать козыревщину» между пальцев. Хотя... до чего все это мелко, несолидно, и главное - на виду у всей редакции. Ведь все всё поняли.

Днем зашел Генка и мы пошли с ним пешком почти через весь город под крупными хлопьями снега. Снег заметелил нас как зонтики.

А я шла и опять думала, какой я счастливый человек. Познакомилась с Генкой. Мы с тобой нашли друг друга... И теперь среди «козыревщины» может время от времени приставать к причалам понимания, успокаиваться и светлее смотреть в будущее. Как я поняла, Генке тоже не очень весело на новой работе. Она нудная, а Генка - человек веселый, поострить-поразвлекаться-набраться бодрости не с кем. Он очень невысокого мнения об издательских работниках.

Миша-Миша! Ты знаешь, я сейчас как айсберг: верхняя часть - для всех, а основная, подводная - это у меня ты. Я шла с Генкой, и было такое настроение рассказать о тебе... Но сдержалась.

А он ведь не спрашивает. Как я вернулась после Нового года - ни разу не спросил. Тактичность проявляет. А вдруг мы с тобой тогда разошлись бы? А я сама не говорю. Но в тот момент, под снегом, так хотелось рассказать ему, что у нас все хорошо и ты такой хороший...

Миша-Миша!

Твоя, всегда твоя Танька.

...А я сегодня получила новое назначение. Теперь я - заведующая отделом писем. Очень рада! Мне без Деринга в идеологическом отделе все опостылило. Вроде как сучок без ствола. Все думала: кто будет новым завом? Такого, как Генка, не найдется... А одна я вести пропаганду не могу, там же надо крутиться, быть дипломатом. Генка для меня вроде заслонки был, выпускал пар наружу по мере надобности для начальства, а в остальном мы веселились сами.

Теперь - здорово! У меня самое милое дело в редакции. Отвечаю за письма, веду две рубрики: «Собеседник» и «Рядом с интересным человеком». Если их увидишь, знай, что это моя стряпня.

Идеологический отдел переименован в отдел пропаганды, завом посадили Ивана Ежикова, а Алика с заместителя понизили до литсотрудника. Альку немного жаль: он теперь подчиненный Ивана. Но Алька сказал: «Надо контактировать со своими врагами, они дают заряд к действию».

В честь таких событий нас с Иваном заставили выложиться на бутылку. Ребята захмелели. Димка сцепился с Вином, Вин понес на Ивана, а Димка на Вина. Здесь, конечно, самым правым был Димка, а подонком - Вин. А я слушала их, и как-то странно... Все плывет, туман, а перед глазами - ты, верне, мы с тобой. Но на самом деле спорят ребята, мои ребята, с которыми я работаю уже второй год... а где реальность - там ли, тут? И как мелко то, о чем они спорят, по сравнению с твоими, например, дневниками! Да полно, существуешь ли ты на самом деле? А может, они не существуют? И кто я сейчас? Уполномоченное лицо с громким названием «заведующий отделом писем» или растерявшаяся молекула в невозможном непонятном мире?

Я их так и не пойму. Генка, Димка, Ванька, Вин... Каждый из них не принимает остальных, значит - каждый одинок, да? Это я назвала наиболее ярко выраженные тенденции. А я, Алька? Мы тоже сами по себе, только в тени.

И еще я смотрела на них и думала... Ты, Мишка, по сравнению с ними всеми куда более настоящий. Но тебе еще много надо работать, чтобы выразить все то, что накопилось. Они-то это умеют лучше, но... им нечего выражать. Особенно Вину или Ивану.

Танька, твоя Танька, Мишка. И ты мой.

...У Нинки дело все еще очень плохо. Температура - 39,6-39,8 круглые сутки, врачи не могут определить, что за болезнь и как лечить. Однажды ей (и мне, так как я была рядом) почудилось, что она умирает... На улице падал снег, а ей захотелось подснежников... И сейчас у нее, наверное, такие моменты бывают. А я дома, здоровая и такая полная жизни, что мне трудно представить ее состояние, и от этого стыдно, но стыдно НЕИСКРЕННЕ, потому что не могу представить смерть - ни мою, ни ее, ничью. Разумом понимаю, а чувством - нет. Очень редко чувством понимаю, и тогда панически страшно, а потом забываю.

...Нет, вроде ей лучше. Вчера меня к ней пустили, а сегодня - нет (в городе эпидемия гриппа). Сказали, что если бы положение было критическим, то родных и близких пускали бы все равно. Приносила ей «Мастера и Маргариту», она прочитала за один день. Раз может читать так много - значит, не так уж плохо.

А вообще она в отделении самая сложная. Говорят, нет стимула к жизни. Вчера ей было почти все равно, выживет ли... А сегодня прислала бодрую записку.

Алеха к ней не ходит. Вчера ему позвонили из больницы на работу, так он пришел один раз... выпивший. Нина говорит: «Лучше б совсем не приходил». Не хочется писать о их семейных делах - вроде, сплетница. Дай Бог Алехе, конечно, но что-то... ладно, не буду.

Что-то не пишется, Мишка.

Вот нахлынет-нахлынет... если в такой момент писать - то как под водой, все расплывается. А как схлынет - сухо и не пишется. Какая-то я... не могу себя ухватить.

Мишка!

Ну, до свиданья.

Если не шутишь - твоя.

Подпись.

...Сейчас была у Нины. Ей вставать не разрешают, лежит неподвижно. Быстро устает в разговоре, а руки тонкие, как палочки - вдвое тоньше моих, и белые-белые. В больницу она попала не потому что Алеха избил (это матери «семеро в санках» привиделось), а от нервного и физического истощения, болезни почек и целого ряда сопутствующих расстройств. Вобщем, это дело почти не меняет... Алеху она ненавидит и даже слушать о нем не может. Его я так и не видела, но твои слова передала (оставила записку у его матери). Его я два раза хотела застать, но так и не удалось.

Сегодня получила твое письмо и счастье мое вновь показалось явью. Понимаешь, как трудно мне на фоне разрыва Алехи с Ниной верить в чье-то, а тем более, в свое счастье. Трудно верить и... немного

совестно иметь. Но мы ведь будем с тобой, Миша, всегда без тени ссор... именно для того, чтобы в силу возможности помогать другим, кто не имеет того, что у нас - да?

Михась, спасибо тебе за это коротенькое письмо. Твоими же словами -храни тебя Бог, такого.

Твоя Янка.

Это мы с тобой на конверте идем, да? Только не охотиться, а просто так гулять. Я убивать не могу.

20 января.

Мишке!

От тебя все еще ничего нет, и мне тревожно. Читаю твою зеленую тетрадь и понимаю, что не нужно пустых слов, и все-таки их произношу...

...Что я тебя очень люблю и очень жду - и буду ждать всегда, пока знаю, что ты существуешь на земле.

...Что я чаще всего вижу тебя в вагоне, когда в последний раз сорвала с тебя шапку, и еще... когда ты стоишь вполоборота... Это я только начала, и сразу всплыло еще несколько картин...

Больше всего я боюсь, что ты выкинешь какую-нибудь штуку (не эту «штуку», а вообще штуку) и вдруг прекратишь мне писать совсем - не потому что вздумал меня «обмануть» (как это считал Поерели), а по каким-то своим, хорошим, на твой взгляд, соображениям...

Самое страшное - потерять тебя. Ты это знай всегда.

Еще я боюсь, что ты болен. Ну это моя всегдашая боязнь, и, видимо, от нее не отделаться, пока ты далеко. Теперь меня утешает, что с тобой - мумие. Это как талисман...

И еще я хочу написать тебе несколько слов.

О том, что я люблю тебя очень. Очень-очень.

И мне тебя не заменит никто...

Ты назвал меня своей женой.

Ну что ж, так и подписываюсь:

Твоя жена.

Танька.

Я люблю тебя, Мишка.

Я написала еще одно прошение о «сокращении срока наказания» - от имени твоей невесты Нины Чернец. У нее дело пошло на поправку. Сегодня температура почти нормальная.

Мишке, а что за слово ты выдумал - нудьга? Сразу напоминает два слова: нудный и деньги. Я его раньше не слышала и кажется ужасно несимпатичным.

Мишке,

прости меня, ну ради Бога за то письмо, что отослала сегодня утром - с «орденом». Ну ей-Богу, не принимай очень всерьез. Это все было в такое слякотное настроение...

А сейчас я получила три твоих письма. Бедный мой «вирус»!

Прочитала - и так стыдно стало. А когда ты болеешь, я все равно переживаю, и буду переживать. Особенно бояться осложнений. Тебя хоть на работу не посылают во время болезни? А то у них может «хватить»... А я гриппом так и не заболела. Может, пронесет?

Кольку нашего, кажется, в армию не берут. Признали нестроевым - что-то с головой (кажется, нервное, от удара). Какую-то проверку не выдерживает.

Мишка! А почему это ты, когда предлагаешь мне купить что-то для себя, прежде всего подумал... о штанишках? И зачем мне штанишки, если... когда мы будем вместе, они мне меньше всего понадобятся?.. (!)

Нож я не забыла. Нож у меня. Я флакон духов забыла. Больше ничего. А может, его у меня вытащили в Чепце. А ножик очень острый, хороший, я его в сумочке ношу.

Про ошибки ты правильно заметил. Но мне просто так хочется твое письмо сто раз перечитать, каждую буковку заметить... хотя бы под предлогом выписать ошибки. А ты все несерьезное, что я тебе выписала, почеркай. Сам знаешь, что. А я буду больше думать впредь.

Мишка-а!... А вот ты там... «молока» захотел. Младенца ж надо для этого. Не боишься?

Мишка! А ты (зачеркнуто) пишешь, чтобы я не (зачеркнуто) писала в письмах того, на что ты уже указывал. А я забываю и повторяюсь. Не сердись. И вот там, в одном месте, говоришь, чтобы я не писала «таких» писем, а я забыла, что имеешь в виду. Я же так много всяких писем написала.

...Говорят, от гриппа главное - вылежаться, не вскакивать. Чтобы не было осложнений. Ты только не сделай какой-нибудь глупости.

...Пока не пишу о стихах не потому, что о них не думаю. Я их перепечатываю на машинке, но боюсь «ляпнуть» скороспело. Как-нибудь сяду и напишу большое письмо.

Не могу не описать тебе случая, произшедшего вчера с Алькой. На улице к нему подошли две цыганки, лет 17 и 19, предложили предсказать будущее. Как он потом рассказывал, «решил изучать их психологию» и пошел с ними за угол. Они предложили выложить на руку мелочь, что было сделано. Ее понадобилось «завернуть в бумажку» - в рубль, и еще в одну. К счастью, у него с собой оказалось всего два рубля (последние!). Велели завернуть все это в носовой платок. При этом они наперебой «предсказывали». Цыганка постарше велела снять часы и поводить ими вокруг лица. Незаметно часы перешли ей в руки. Попросила зеркальце, а когда он подал, поднесла к его лицу и сказала: «Посмотри на дурака. А теперь попробуй тронь, я закричу на всю улицу». Алька женщину тронуть не посмел и, страшно расстроенный, вернулся в контору. К счастью, наши ребята

сработали очень оперативно: Димка, Олег (наш новый ответ. секретарь) и Володя Хитрюк (вместо Левки) позвонили в милицию. Цыганок поймали, даже обыскали. Нашли два рубля с мелочью, носовой латок, а часов и след простыл. Задержанные, естественно, утверждали, что их и не было. Ужасно жаль Альку. У него совсем нет сейчас денег, и все же... хоть и грешно, но смеялись ребята доупаду. Это надо же быть таким растяпой! Дать ограбить себя среди бела дня на многолюдной улице, да еще «при изучении цыганской психологии!» Впрочем, это на Альку похоже и, мне кажется... даже симпатично.

Мишка, я ходила сегодня на лыжах. Впервые за всю зиму почувствовала выходной - когда в воскресенье целый день дома, почти не отыкаешься.

Очень-очень беспокоюсь за тебя. Знаю, что ты все равно не напишешь мне правды, но... просто помни, что у тебя мумие и что в случае чего ты даешь мне телеграмму.

Пошли это письмо авиа, чтобы оно обогнало то, «с орденом». Я там все наврала (не все, а плохое - наврала). Я люблю тебя, жду, очень-очень скучаю. Скучаю во всех смыслах: по человеку, по...., и по...., и по - тоже.

Твоя медвежиха.

Михаил

Вот это ты меня поймала - за «штанишки»... Янька, ты гениальша! Меня это потрясло до основания - так понравилось.

А почему ты считаешь, что твое письмо о «грозном (?)» мрачно? Нисколько оно не мрачное, оно даже понравилось мне. Понравилось тем, что в нем очень хорошо видно все то, что тебя вышибает из привычного ритма жизни. Яня, не смеши: действительно, разве могут такие мелочи доводить тебя до такого состояния? Ну, положим, тебе тоскливо - понятно. Но разве обязательно к этому примешивать все остальное, а?..

Вот хочу написать тебе гениальное письмо, а получается кретинчик какой-то. Нет, писать легко, но я никак не могу поймать за хвост раздражитель, избавить тебя от него. Янька, я же тебе писал: старайся упорядочить и упрочить свое положение в конторе. А для этого совсем не обязательно пыхать, лезть в пузырь. Думай больше, Янька. Так, Яня, нельзя - не должны тебя касаться всякие мелочи. А то ты меня учишь, а сама поступаешь так же: любая чепуха не оставляет тебя в покое. Я тебя люблю. Я тебе верю. Да и ты веришь мне, Янька. Зачем тогда все это?

Зачем - грустные письма, зачем невоздержанное отношение к нашему личному: к тебе, ко мне...

Ладно. Хватило бы только у тебя терпения дождаться нашей встречи. Но ты не распускай юни, тебе это не идет, тебе - жене гениального поэта, любящего мужа, бродяги и ребенка.

Татьяна

1969, январь?

...Сейчас была у Волконской (12). Она показала мне рисунок, который ей прислал вчера из Чехословакии ее друг. Она была расстроена из-за этого рисунка целый день, и я тоже... Очень жуткое впечатление.

Рисунок размером раза в полтора больше обычной открытки, длинненъкий. Репродукция. Через всю картину наискось проходит как бы луч уходящей вдаль космической ракеты. Вверху этот луч пересекается еще с одним. Внизу поперек картины - еще одна полоса света. Она и луч от ракеты образуют светлый крест. на котором распят вниз головой Христос. Там, где кончается тело Христа - раскинутые во все стороны ноги, много ног (кажется, шесть), согнутых в коленях, а выше - деформированное женское тело без рук и без головы, связанное то ли веревками, то ли виноградными лозами (Володька сказал - Свобода). Справа - луна. Гравюра отлично выполнена, очень красивая. У Христа в ладонях вместо обычных гвоздей - две веточки липы. Волконская объяснила, что веточки липы - символ Чехословакии. Если бы не липа, гравюру можно было бы рассматривать просто как символ трагедии, но веточки придают явно политическое звучание. Рисунок без подписи, только росчерк автора (на Л...) и год: 1968. Волконская сказала также, что в 1968 году в Чехословакии ничего не было без политики. Луч от ракеты она поняла как наши войска, фигуры - разрыв федерации.

Больше в письме не было НИЧЕГО: ни записки, ни объяснения, ни даже вежливого приветствия. Человека, который прислал письмо, Волконская знала очень давно, почти с детства. Она характеризует его как очень преданного, самого верного, какого только можно придумать, коммуниста. «Что это значит? - рассуждала Ольга Александровна. - Почему он решил прислать этот рисунок МНЕ? И таким странным образом?»

А несколько ранее она получила еще одно письмо из Чехословакии, от своей подруги. Письмо спокойное. Пишет о семье, о своем здоровье. Вс孔льзь - фраза о «незабываемом для всех на дне 21 августа». Но что было 21 августа? (13)

Мой маленький, хороший Мишка! Мне очень трудно без тебя, честно. Я вдруг начинаю плакать из-за всяких пустяков, а потом понимаю, что плачу не из-за них, а потому что нет тебя. И мне так трудно поверить, что счастье мое все-таки будет. Ведь столько раз ничего не сбывалось. И у Нинки вот нет... Ты не думай, я не сомневаюсь в тебе, но боюсь внешних причин.

А ребенка у меня нет, ты был прав.

Мишка, я послала тебе программу. Она 1967 года, но больших изменений нет. Пиши, какие надо учебники.

Танька.

Миша, Мишка. Я скучаю без тебя. Работаю, а как только кончаю - очень-очень скучаю. Вот сейчас восемь часов. Кончила писать (не могу больше, устала, ничего не соображаю), и мне кажется, что передо мной стоишь ты. Или сидишь рядом. Я даже чувствую на себе твои руки, правда. Если бы ты был здесь, мы бы с тобой побежали гулять. По снегу. Или чего-нибудь придумали бы. А рядом пусто. А у меня тоже, Мишка, нет ни одной свободной минуты, чтобы я не думала о тебе.

Я начала собирать коллекцию всяких мишек, нарисованных. Смешных. Смотрю на каждого, называю: «Мишка» - и опять вспоминаю. Как будто это ты. Хотя я знаю, что ты все-таки не медведь, а человек, и даже с довольно тонкой (не медвежьей!) организацией чувств. Например, слуха.

Мишка.

Я боюсь написать тебе грустное, и поэтому кончаю, хотя между этими словами и первой строчкой прошло почти полчаса. Я вспомнила, что... ну ладно, не буду. Я люблю тебя, любопытный рыбак-медвежонок. Вот так, любопытишка. Я к тебе каждую минуту привязана. И поэтому я не должна плакать, и ты тоже.

Нет, Мишка, ничего.

Это только минутная слабость.

Это пройдет.

Раз мы всегда вместе. И сейчас. Да.

Может, лечь спать? Может, ты мне приснишься - если раньше лечь? Как тогда?..

Вот так. Мишка.

Мишка- еловая шишка. Спокойной ночи.

Т-Янка.

Пишу уже на следующее утро. Я тебя люблю, Мишка. Ты мне так и не приснился. Ну ничего. Зато я немного не спала ночью и все-все вспоминала, как мы встретились в первый вечер..

ТТ-Т2 (Твоя Танька).

4 02.

Есть предложение. Я выписываю «Литературную газету». Зачем нам с тобой две? Давай я буду собирать и время от времени комплекты пересыпать.

Мишка, а ты очень хорошее стихотворение написал на тему рисунка «Изнасилованная свобода» (как назвал его Алька). Ты его не видел, но дух, настроение, да и описание! - точно.

Правда, я за то письмо немного боялась. Мы говорили с А., он кое-что почеркал мне на бумаге, а потом все - и мое, и свое - мелко-мелко изорвал и бросил в урну.

Я, знаешь, чего боюсь?

Вот ты говоришь - я побывала, и твои «Письма для России» не идут. Но, с другой стороны, у тебя же есть сила воли. И когда мы

будем вместе все время (тем более, что это будет не так уж редко и необычно), ты сможешь отключаться.

Все будет хорошо. И «Письма» пойдут, и все. Это просто пока мы оба взвинчены.

А вот у тебя есть фраза о «мнении знатоков о моем отъезде». Ну и что за мнение?

Знаешь, как я твои письма читаю? Сперва (если получу несколько) - залпом. Прежде всего - какими словами каждое кончается и нет ли чего особо мрачного и тревожного. Во второй раз, чтобы подумать, на какие существенные вопросы ответить. Еще несколько дней вспоминаю и выискиваю несущественное или о чем забыла. А потом читаю их много-много раз, почти наизусть, но не все, а только те места, где... ты говоришь, что любишь меня...

Я смешно говорю, да?

Гениальша.

4. 02. 69.

Михаил

12 февраля (?)

Яня, а для чего ты вернула тетрадь, у тебя... некуда ее деть, да? Я же выслал ее, чтобы она осталась у тебя. Переделывать - править - я ничего пока не буду. Для этого еще будет время. Сейчас нужно работать, только работать.

Говоришь: последние мои мазилки - ниже моего уровня? Вполне возможно: я часто теряю общее направление... Они должны (я хочу так) работать на определение понятий: что нужно делать, чтобы жить... что именно нужно делать, идя по жизни, и нужно ли жить только для того, чтобы постоянно что-то делать? Нужно найти оправдание своей жизни, найти его до того, как умрешь.

И оправдание смерти - тоже надо найти, а найти его можно только тщательно разобравшись в жизни. «Человеку дана жизнь, чтобы прожить ее до конца» - это расплывчатое определение, потому что конца никто не знает, во-первых. А во-вторых, у всего сущего есть начало и конец, но это ничего не говорит о необходимости: нужно или нет ползти через километры грязи ради одного метра сухой земли. Я хочу понять это. Целую тебя, моя сорока. Твой Мих.

Посмотри, может, найдешь что-либо в этих мазилках, но - только посмотри, отмечь - печатать не надо. Ты устала, Яня, моя славная и добрая. Не спеши с этим.

Татьяна

20 февраля, 11 час. 15 мин.

Миша!

Ты извини, что я оскорбила тебя... про Алешку. Писала так настойчиво потому, что сама хотела в нем разобраться - размышляла

сама с собой. Ты ж говорил: «Пиши все».

Ты-то оскорблял моих ребят, не видя их в глаза, а я Алешку наблюдала два года. Верю, что он тебе дорог, и ради тебя не буду больше касаться его имени (тем более, что дело, вроде, идет к концу - Нина подала на алименты). Остальное сделает время: приедешь, увидишь, сам рассудишь.

Я почему-то не верю, что Алеша будет (и вообще может быть) твоим другом. Ты говоришь, что он испытан в боевой, суровой обстановке. Но испытывают не только бедностью, но и богатством. У меня он вызывает отвращение хотя бы тем, что... даже неудобно писать об этом. Тем, что считает в порядке вещей в отсутствие жены «спускать семена» (его выражение) любой. Это он по пьянке болтал, я так и опешила. Вот те и «любовь»! Так что неприязнь моя не за «недостатки, в которых он не виноват». Ограниченност можно было бы простить.

Опять начинаю ругаться. Прости, Миша. Оставляю за тобой право считать его своим другом, но в таком случае пословица «Скажи мне, кто твой друг...» пусть не срабатывает.

Ну, все. Алеши в моих письмах больше не будет.

Между прочим, к твоим последующим словам - о взрослости. Когда мы с К. ругались, он мне сказал в качестве очередного ругательства, что я, мол, не смотря на свой возраст, никак не могу «вырасти из 16 лет». Самое смешное, что я в тот момент ужасно расстроилась. Уже потом - когда мы сидели с Аликом в отделе - я поделилась, и Алик рассмеялся: «Это что, К. завидует тебе, что ли, что сам не сумел сохранить юношеского восприятия?» Это я к тому, что ты меня упрекаешь - я не взрослею. Считай, как и Алик, это комплиментом. Но ведь то было под влиянием минуты. Сам знаешь.

Миша! А ты правда меня не понял. Я тебе ни на кого не советую равняться. Если кого-то хвалю или ругаю, то совсем не «по рекомендации», а просто разговор с собой «при открытых дверях» - при себе.

...Начала писать это письмо, еще не дочитав твое. А вот теперь читаю дальше и стыдно, что чуть опять тебя не обидела. Мишка, ну как же ты еще не понял, дурачок, что такого, как ты, у меня никогда не было и не будет (да и не только, наверное, у меня (зачеркнуто)). Я ведь тоже... для всех совсем другое. Они только товарищи - да, умные, добрые, хорошие, одни более, другие - менее, но ничего другого от них я не жду и не хочу. Вот и заруби на своем медвежьем носу.

Да, а вот на счет твоих слов, будто делаешь меня «опустошенной и неустроенной». Ну что бы сказать не банальное... Сам знаешь - все наоборот. И про то, как «однажды» получишь от меня «некое письмо»... Уж раз Козырев выдал мне комплимент про 16 лет (и ты вроде того же) - давай думать друг о друге, как в юности, когда еще не умеют подозревать.

А знаешь, еще почему?

Только ты не возражай...

Вот я иногда прочту твое письмо, мне хорошо-хорошо. Думаю-думаю, а потом встану, подойду к зеркалу, посмотрю на себя и думаю: врет он все... (зачеркнуто).

Да нет, ты не воспринимай всерьез. Я ж и сама о своей роже не часто вспоминаю, хотя это для женщины не типично. И тебя люблю не за что-то, а за душу. И единственное, что мне в твоем письме мрачным показалось - о болезни. Миша, я написала в Ташкент на Аптеокуправление (по письму Емельяновой) - может, удастся достать еще мумие, побольше. Тогда ты сможешь тратить, сколько угодно.

Мишка, никто не может заставить другого человека поверить во что-то, поэтому я не говорю - чтобы ты верил мне. Я просто говорю от себя...

Пользуясь твоими методами - если бы я в тебе обманулась, я потеряла бы для себя одушевленность мира (зачеркнуто) почти во всем - ПОЧТИ, потому что на десять процентов (глядя на чужое счастье) эта одушевленность, наверное, для меня осталась бы. Я же верю еще в хороших людей - например, таких, как Алька (хотя он и не «мой»). Это тебя не должно обижать, я стараюсь говорить честно. Мишка! Ну вот, как слово ни скажу - боюсь, что обижаю. А хочется, чтобы тебе было только хорошо. Мишка! Ну я страшно глупая, дурная. Ну как сделать, чтобы ты... чтоб ты хоть немного меньше мучил себя... во всем...

Мишкa! (зачеркнуто)

Тьфу, какая я дура.

Мишка, прости меня. Ты же все понимаешь, что я люблю тебя, но никак не могу как следует об этом сказать.

Танька.

20 февраля, 11 час. 15 мин.

Миша!

Не хочу превращаться в старых бабушек, но все-таки у меня есть одна (только одна!) просьба. Сходи к местному фельдшеру, санитару - хоть кто-то там у вас есть? Я говорила тут с одним, он говорит, что язва желудка - очень серьезно. Если все-таки обнаружат (говорят, это не так трудно) и назначат лечение - вышлю все, что нужно. Атропин, витамины В-12, В-1 бальзам Шостаковского (его назвал врач), но надо рецепт.

Я тебя очень прошу.

Это моя единственная просьба. Что хочешь, за это исполню.

Таня.

Миш-ка!

Мне очень-очень грустно без тебя. Какой-то мир бегает, кишит, чего-от хочет, а мне все видится, как мираж: мы с тобой как в тереме, всегда и навечно, как что-то святое. Но это же мираж, нереальность. Тебя тут нет, а я одна на берегу океана...

Сейчас орет радио - передают музыку ликования после запуска нового космонавта, а мне неинтересно и неважно. Хочется только одного - увидеть тебя еще раз и удостовериться, что ты существуешь.

Мишка, милый Мишка, милый-милый чудак Мишка. А странное слово «милый», да? Какое-то древнерусское? Интересно, что в нашей жизни есть вечное, идущее от самой древней Руси? Все остальное - pena?

Мишка, ты помоги. Я написала одно письмо, но, может, не так написала? Буду писать еще одно от имени Нины Чернец - скажи, я учу о ошибки. Ты же знаешь, письмо какого типа может подействовать, а какое просто сгребут со стола. Ведь мы с тобой вместе... Но я пишу, а ты не хочешь принимать участия.

Мишка, милый Мишка.

Ты пиши, а, Мишка.

А ты правда есть, да?

Кажется, Танька.

... Сегодня шла домой с Ёжиковым-Чижиковым-Пыжиковым. Ты ведь знаешь про него. У нас в конторе все ребята терпеть его не могут за «унтер-пришибеевские» замашки. А мы с ним полярны: он - крайне «правильный», я - наоборот.

И вот шли мы с Чижиковым-Пыжиковым и очень мирно (впервые!) беседовали под ночным небом в белых летящих снежинках. Ведь Пыжиков-Рыжиков знаешь откуда? Из тюремной газеты. Ты эту газету знаешь, ее сейчас В. Ширинкин подписывает (между прочим, тоже бывший «молодогвардеец» - я его знала). Так вот в этой газете было всего двое штатных сотрудников - Ширинкин да Ёжиков. И беседовали мы с Ежом очень мирно и доверчиво. Я у него расспрашивала про обстановку в той газете, про взгляды на офицерский состав, на заключенных. Интересно он рассказывал. Главное, в этой газете... самого Ежа считали крайне «неправильным, оппортунистом». Это Ежа-то! Но самое интересное, знаешь, что? Он, Чижиков-Дикообразов, глубоко презирает заключенных, которые писали в его газету. «Я, - говорит, - сам ходил по лагерям и уговаривал. Но когда заключенные соглашались, мне становилось неприятно. Среди них бывшие журналисты, юристы, руководящие работники... Они должны были видеть и понимать слишком многое, а присыпали: «Вымыли пол...» «Работает бригада...» Если кто-то, пусть грубо, излил бы душу - такую заметку, конечно, не поместили бы, но человека я зауважал бы». Я спросила - а видел ли он не согнущихся? Ответил: конечно, такие есть, но с газетчиками предпочитают не общаться. Да, Еж добавил, что не раз пытался поставить себя на место заключенного - стал бы он писать в газету? Нет, не стал бы...

Медведко!

Интересная штука. Я взяла сегодня конверт с твоими письмами прошлого года, там было два письма. Я их сразу узнала и вспомнила, как когда-то обругала - такими «выкрученными» и надуманными они казались. Сейчас прочла другими глазами.

Могу объяснить картиной...

Представь море. Где-то в глубине течение: целенаправленное, осмысленное, понятное. А на поверхности взвихряются волны (допустим, они зависят от течения). Они хаотичны и безалаберны. Я сижу на берегу и вижу одни волны, и мне предлагают по завихрениям, которые выписывают гребни, вывести причины их появления и закономерности поведения. Опытный специалист на такое, разумеется, способен. Я же теряюсь, и вместо того, чтобы догадаться о глубинном течении, слежу за завихрениями, сбиваюсь с толку и прихожу к абсурдным выводам.

Твое «глубинное» я узнала только при встрече. И потому теперь не обращаю внимание на «загибы», вызванные лишь неумением точно выражать мысль, но никак не сущностью. Интересно было бы как-нибудь взять ВСЕ твои старые письма, с самого первого и перечитать в том порядке, как ты их писал...

Что же касается с переписки после встречи (с июля прошлого года), то я в них уже не замечую особых загибов. Во-первых, их действительно стало меньше. А главное... я теперь к ним неравнодушна, и за строчками вижу тебя.

С другой стороны, это мое отношение, наверное, не позволяет давать объективных оценок творчеству, это плохо.

Впрочем, я вру. Объективного и равнодушного ничего нет, и если я стала понимать тебя больше - это к лучшему.

Указать на слишком явные ошибки в стихах сейчас не могу. А что касается писем, так это мои личные, и никому до них нет никакого дела. Впрочем, если бы их прочел со стороны не дурак... да и дурак тоже...

А ну его, Мишка!

Что-то пишу-пишу, самой противно.

Я тебя очень люблю.

Сегодня был ясный солнечный день. Мы ходили с Ниной по улицам и говорили о тебе.

А ты, Мишка, не думай... Помнишь, ты писал... У меня никого-никого такого не было и нет, как ты. У Нины есть какой-то Эдик Касперович - любовь институтских времен, ко времени их встречи уже женатый. Сейчас на Сахалине. По ее словам, очень хороший, но истрепавшийся. А может, это она себя утешает. Он давно был.

А вот у меня ты насовсем. Это правда, Медведко...

Яна.

Мишка, Мишенька!

Сейчас ночь, как ты любишь писать точно - 22 февраля, десять минут второго (т.е., уже 23 февраля). А ты спишь, и наверное, опять видишь какой-нибудь лагерный сон. Мишка, эти сны непременно отмучают тебя, и... мы будем ходить ночью по спящему городу и гадать - кто живет в каком окне и какой видит сон: судя по занавескам, абажурам... А еще мы с тобой обязательно возьмем палатку и пойдем ночевать в лес. Палатка есть у Володи с Татьяной, они одолжат. Я знаю этот предрассудок - если очень мечтать, не сбудется. Но ведь и

так может не сбыться. Отчего ж не помечтать?

Еще думаю о том, что несколько часов назад написала и отправила тебе плохое письмо; не то, что я плохо думала или хотела написать нехорошо; просто была очень разбитой - от безалаберного дня, от шума в цехе... А впрочем, сама не помню, как написала. Настроение было отвратительное.

Мишка, Мишка! Ты не прочел еще «Глазами клоуна»? А правда, тот Ганс похож на тебя? Знаешь, как мне эта книга понравилась! Нет, не то слово - понравилась... Это именно тот случай, когда нельзя оценивать в словах, если не находишь свежих и хороших.

А знаешь, Мишка, я немного вредная. Вот знаю иногда... (зачеркнуто).

А мне знаешь, что больше всего из «той» жизни понравилось? Когда ты после «того» лежишь и смеешься. Я спрашиваю: «Все?» А ты смеешься и киваешь. И еще как мы с тобой засыпаем, а я без конца ворочаюсь и так, и этак. Мне всяко с тобой хорошо было, но в каком-то особенном положении лучше всего. Ты только этих писем никому не показывай.

Нину я с того выходного не видела.

А у Тани плохо. Её девочка 20 дней от роду заболела воспалением легких, лежала в больнице. Сейчас уже выписали, но не потому, что совсем здорова, а нет мест и поступают еще более тяжелые. И сама Таня болеет... извела...

Такие дела.

Медвежонок, я тебя обнимаю... Как только может обниматься обыкновенная девчонка с медвежонком: она, конечно, рискует, но надеется на благородство партнера и одновременно желает испытать свою силу. Это я шучу, а то ты опять примешь всерьез и подумаешь что-то плохое.

Серьезному Мишке - Янка.

Миша!

Только сейчас опустила письмо, которое опять написала, кажется, не так. Я боюсь тебя обидеть, так боюсь, что из-за меня тебе будет плохо! Ты не мучай себя моими глупостями. Это все несерьезно, пена. А на деле - сам знаешь, ты единственный на свете самый близкий мне человек.

Мне хотелось бы сейчас уснуть до того времени... чтобы проснуться - а рядом ты.

На листочке - перечень ошибок с исправлениями.

27. 2. 69 г.

Миша, конечно же, ты во многом прав. Была и некоторая идеализация. Потом - разочарование в «конторе». Раньше было меньше дум о независимости, потому что я была доверчивее и легко шла вслед за «многими». И надежды, конечно, теперь не те... Но все это не трагедия. Сейчас я счастливее многих: у меня есть ты, работа, которая все-таки нравится, хорошие (все-таки хорошие!) друзья,

благополучие дома. Грех жаловаться.

Это, конечно, рационалистический подход к делу.

Душевная неудовлетворенность?

Миша, я так хочу быть с тобой. Так, чтобы было сказкой - как тогда. Понимаешь, я думаю, что когда мы будем вместе, все равно останется душевная неудовлетворенность, но... на более высоком уровне, что ли...

Что-то не получается письмо. Я два дня носила твое в сумке, и все сочиняла ответ. Вроде, складно получалось. Но некогда было взяться, а сейчас... перегорело.

Я, наверное, еще напишу.

Твоя незадачливая Танька.

Прости меня, прости, медвежонок, за корявость мыслей, чувств и слога.

Это все ерунда.

Мы обязательно встретимся скоро, и тогда... сам поймешь, насколько все это неправда, будто кто-то тяготится.

Аnekdot в трех сериях.

Писатель пришел к редактору и сказал:

- Я написал самый короткий роман о любви.

- Читай.

- «Отчего же?» - сказала графиня, и он начал быстро обладать ею.

- Все хорошо, - ответил редактор, - но нет темы труда.

На следующий день писатель принес новый вариант:

- «Отчего же?» - сказала графиня, и он начал быстро обладать ею, а за окном два мужика ковали железо.

- Это лучше. Но где же у тебя вера в завтрашний день?

И писатель принес третий вариант.

- «Отчего же?» - сказала графиня, и он начал быстро обладать ею, а за окном два мужика ковали железо, но тут один из них перестал ковать и сказал: «Чорт с ним, докуем завтра».

Миша, а ты поступай с ошибками так. Пиши, как привык, не задумываясь, а потом с карандашом в руках проверяй. Я тоже, торопясь, делаю массу ошибок, но когда во время дежурства проверяю корректуру, их почти не бывает. Правда, иногда путаюсь в правилах новой орфографии.

(Конец листа отрезан).

Число?

... Какая же я глупая. Вчера напилась на полном серьезе. Вообще-то - из-за тебя. Случайно попала в компанию Союза писателей (Михайлюк, Болотов и др.) и подумала, что когда ты вернешься, будешь иметь с ними дело. Стало интересно - какие они? Как себя ведут, о чем говорят? Кстати, в такой компании «спивался» и А. (Видимо, имеется в виду поэт Алексей Решетов - ТС).

Как получалось с А., вроде бы стало понятно. Изрядно напившись, ребята собрались ехать в Юго-Камск, где заказана гостиница и... другое. А дома их ждали жены. Но удручало даже не это... а насколько неинтересный, пустой был между ними разговор. Может, мне не повезло?

А потом... потом было очень плохо. Ночью не спалось, хотелось воды. Утром встала разбитая. А сегодня уехала в Кунгурский район, и так неудачно, так неудачно. Жизнь сыплется сквозь пальцы, как песок, и никакого следа. Уходят часы, сутки, годы... Куда? Зачем? Выскакивают, как горох из сухих стручков.

Понимаешь, у меня очень маленький к.п.д. времяпровождения. А как его повысить? Существую как растение, а ведь есть на свете двигающиеся существа. Только и регистрирую: утро - вставать, вечер - ложиться... Сейчас потеряла полтора часа в ожидании поезда. Еду на поезде - теряю еще полтора.

Росчерк.

Михаил

Да, Яня, ты изумительная человечиха.

Но грохаться духом не стоит.

Я думаю, что твоя нервозность имеет причины и считаю, что не ошибусь, если попытаюсь определить их (причины). Тебе пора начинать писать, писать - не для газеты (вернее, не только для нее), а по гораздо большему счету: рассказы, например. У тебя же есть для этого данные. Да и стихи ты писала, и довольно-таки хорошие, ей-Богу. Я не успокаиваю тебя, нет. Но хорошо получаться будет только при условии: надо работать, Яня. Надо трудиться, милая. А то ты мыгаришься, маешься, устаешь, но усталость... не проходит. А не проходит она потому, что работаешь ты не на износ. Устаешь только физически, а дух - дух бродит в тебе, не давая покоя никогда, нагоняя хандру, неудовлетворенность будничной работой, собой. Все это я испытал на себе.

Я тебе уже говорил: могу читать, писать письма, вести дневниковые записи, спорить... Но если я не напишу ни одной стихотворной строки - день пропал, чувствуя себя разбитым, пустым и усталым. Ей-богу, Яня.

Я сделал это открытие не сразу. Годы, целые долгие годы прошли, пока я понял. Вот смотри, сама за собой ты не замечаешь - масса времени уходит на «контору», нужно посетить кого-то в больнице, написать мне, напиться пьяной - шучу! - что-то кому-то посоветовать и - ... чувствовать неудовлетворенность! Если не это - не прав я в выборе... настоящего дела, значит есть другое, то, чего ты не открыла еще в себе, вот.

Другое дело - если бы ты занималась физическим трудом. Но если - повторяюсь - тебя не покидает чувство жалости к себе, основное дело еще не найдено. Но я упорно продолжаю думать свое - тебе нужно писать.

Потом, только писать - этого мало. Нужно печататься, Яня, обязательно нужно. Тебя будут поругивать, будут и хвалить, а в общем

- только в этом случае ты сможешь взглянуть на себя со стороны: что у тебя пока отсутствует, без чего жизнь кажется пустой и гадкой. Попробуй, Яня, попробуй, и если боишься критики, вышли мне, я кое-что понимаю. Попробуй, моя милая, посмотрим, поговорим, что и как.

...В «газету» - у тебя это хорошо получается. Но этого мало, Янька, мало этого. Ты, работая в газете, работаешь вхолостую, без той отдачи, энергии, которая, изнуряя, не опустошает, а наоборот - дает приглядеться к себе, прикинуть себя на ладони общественного мнения, прицениться к себе - человеку! Узкий круг коллег - это еще далеко не все, откуда можно взирать на себя.

Целую тебя, Янька!

...Да, я хотел написать (объяснить) тебе некоторые свои ошибки... Ты, Яня, часто указываешь (ошибочно считаешь), что я ошибаюсь в ляпсусах... Остудив - я пишу и писал вместе, только вместе, это просто прыжок руки.

Яня, я не хочу - ты не пиши так, что ты меня обижашь, расстраиваешь. Неправда это, Яня. Как ты можешь меня обижать, когда я, Янька, милая, я люблю тебя?

Мы с тобой так не договаривались - обижаться. Слепо любить и верить - это да, было такое, да я и сейчас говорю это же, потому что так надо. Моя медвежиха!

Танька, вот ты описала мне этих людей - Болотова и пр., Яня, а вряд ли уживусь с ними, я все-таки, если честно, не люблю людей, Яня, только ты никому об этом ни гу-гу, прошу тебя.

От тебя-то у меня нет секретов, Яня.

Забыл сообщить: я прочитал «Глазами клоуна». Мне нравится его мировоззрение, нравится, но не всегда, отношения между ними. Но я начисто отрицаю неверие Ганса в судьбу, в себя, в возможность жить, браня одно и проповедуя другое - желаемое. Ведь красной нитью его произведения является знаешь что? Отсутствие глубоких философских исследований - это при всем покушении на переосмысление сущего. В современной литературе нужно быть либо статистом, либо пророком: сообщать истину либо предвестье ее. Не жалеть проститутку за то, что она проститутка, не уговаривать «мальчиков» не увлекаться верлибрами, как это делает Р, Рождественский, рисуясь этак - смотрите, вы видите, что стало со мной - потому что полюбил верлибры - де-ше-ва-я слава, слава мещанина, популярность невежды.

Я пишу - предчувствуя грядущее, но не пытаясь его объяснить. Почему я так пишу?

Только потому - читатель должен готовиться к чему-то, пусть он и сам не знает, к чему... Но прислушиваясь к отдаленной поступи грядущего, будет готовиться к чему-то. Целую тебя, моя милая, всю-всю-всю, нагую-нагую!

Твой Мих.

Письмо проверять не буду, ленюсь.

1.3.69.

Скоро весна, Яня.

У нас погода вроде установилась. Сегодня особенно - тепло, пригревает солнышко, потягивает теплый ветер. А я так соскучился по тебе, Яня... Хочу тебя «донемогу». Первые дни прошли еще туда-сюда, но вот начиная с февраля - спасу нет.

Прочитал твое письмо, которое лежало в книгах... Что с тобой происходит, Яня? Откуда у тебя такая мрачность - правда, в письме об этом ни слова, но общая его картина мрачна. Может, я тебе написал что-либо плохое, или у тебя другие причины какие-то есть, а? Если причина всему - тоска, то я считаю твое состояние неоправданным. Мне не хочется писать тебе всякие басни о нашем будущем, не имеет смысла - говорить о прошлом, но я люблю тебя в настоящем... То, что ты веришь мне, любишь меня - я знаю... Но есть другое, в чем я не могу разобраться и вместе с тобой поискать путь к разрядке.

Вот пишу, а письмо не идет. Ты сильно напугала меня моими ошибками в письмах и пр. Потому - стараясь не делать их, обессмысливаю письмо, делаю его пустым, а отсюда... вдвое больше ошибок. А поди они к черту, ошибки и прочая мишуря! Скажу только: если тебя тревожит будущее - что-то может измениться в наших отношениях после моего освобождения - то выбрось такую мысль, не забивай голову пустотой. Другое дело - если ты начинаешь тяготиться... Тут я ничем помочь не могу и даже не буду делать попытки.

Надоело ли мне читать, что ты сильно скучаешь - нет, мне это никогда не надоест. Наоборот - мне очень приятно, я всегда с большим удовольствием читаю каждое слово ласки и теплоты - с большим наслаждением, признательностью и готов платить тебе - я болван и дурак! - только сердечной теплотой и взаимностью души.

Может, Яня, я недостаточно внимателен к тебе, неряшлив, небрежно отношусь к чему-то, а это причиняет тебе боль, которую скрываешь от меня, а? Знаешь, мне кажется, что я начинаю находить в тебе качества характера, которые мне были известны раньше. Вот о чем думаю... Ты очень горячая, очень отзывчивая. Было время, когда ты горела сильней, не произошло ли сейчас что-либо... Может, со временем ты стала больше думать о личной свободе, о независимости, когда принадлежала только себе. Проскальзывают же у тебя нотки недовольства своими коллегами, Алексой - его тупостью, недалекостью. Поиски идеалов привели тебя в «контору», сблизили с людьми, которые на какое-то время стали теми, кого ты искала. Потом - потом ты поняла, что их внутренний мир (может, некоторых из них) не соответствует форме. И пошло: разочарование, тема для полемики, желание бросить все и уйти... Вечный и мучительный процесс, который никуда не ведет, ни к чему не обязывает. И еще - тоска, спрятанная от посторонних, но разъедающая изнутри. О, тогда

никто и ничего уже не поможет, тогда - временные и легкие с тяжелыми последствиями отношения. Свобода выбора бесед, дискуссий, рабство в себе. Если ты, Яня, такая, если твой недолгий выбор пал на меня - я принимаю его. Долог ли, короток - принимаю. Зачем? Да хотя бы для того, чтобы стать тихим уголком, в котором можно не стесняясь поплакать о неудачах, не рискуя быть утешенной, поговорить с собой, не выслушивая наставлений, мытарить себя налево и направо и не быть презираемой. Ответь, где я прав, а где - нет. Только исповедь облегчает состояние души.

А может, я слишком глубоко залез, ничего подобного в тебе не происходит. Тогда еще лучше. Хочу сказать только одно: передо мной ты должна быть, как перед собой.

Если когда-то стану тебя тяготить - скажи. Если ты потеряешь веру в меня, если зародится сомнение... Чтобы я мог быть готовым. Ты же добрая, Яня.

Твой Мих.

1. 3. 69.

Слава Богу, дождался почты, пришла. Получил сразу семь писем от тебя и перевод. Ты же знаешь мое бескорыстие, но деньги - я так обрадовался им - пришли как никогда кстати. Просто замечательно, ей-Богу!

А я хотел попросить тебя об этом в письме... Ты молодчина.

Яня, ты написала выдержку из моего старого письма и просишь, чтобы я пояснил смысл. А я уже и сам не припомню, о чем там хотел говорить. Когда-нибудь разберемся. Будем перебирать старое барахло - непременно разберемся.

Я поправляюсь, Яня, насморк, правда, еще есть, но общее состояние сейчас намного легче. А болеют многие и по-разному: сильные головные боли, глохнут, страдают глазами и пр.

... Нет, Яня, нет, милая, не беспокойся, твои комментарии моих стихов только помогают. Сама можешь убедиться...

Понимаешь, я же устаю, а значит, сбываюсь... Так что пиши, обязательно пиши. В моих потугах должен быть заинтересован не только я один - это наше общее дело. А мне без тебя тяжеловато. Не стану скрывать и другое: ты же знаешь, что мой труд нигде не печатают... А разве легко - столько корпеть, надрываться и при всем этом ничего не знать о себе. Это очень трудная штука, трудная и страшная. Свои стихи я никому не читаю, а если бы и захотел сделать себе удовольствие - некому их здесь читать. Ты и то не всегда понимаешь мои мазилки, как надо... Но в этом случае не снимаю вины с самого себя - стихи-то субъективны, и порядком.

А эти злосточные НЕ и НИ одолели меня нагло. Но я не теряю надежды, буду бороться... Вылавливай только самое

характерное - пока, а то мне сразу со всем множеством... очень трудно управляться.

Ну, Янька, не унывай, живи и работай полным ходом. Слишком много у нас большого, чтобы обращать внимание на мелочи будней. Целую.

Твой Мих-Михыч.

Татьяна

Сегодня Нина получила твою телеграмму. Молодец, что поздравил ее с днем рождения. Когда она видит к себе внимание - легче. Ее поздравили ты, на работе, я... Вроде, даже ожила, а то ходила, как мертвая. Ей очень тяжело в эти дни: вернулся с курорта Алеша, проживание с ним в одном доме она переносит болезненно, вздрагивает от каждого стука, повторяя: «Я боюсь, боюсь его...» Его с матерью квартира - в этом же коридоре, через дверь.

И я той телеграмме рада. Посмотрела число и убедилась, что ты жив. А то фантазия совсем ненормально разыгралась после того «страшного» письма, где о болезни. Главное - жив, а как ты ко мне относишься, я и так знаю.

Все вспоминаю твоего «Аксёна»... (Единственная попытка Михаила писать в прозе). Как бы я повела себя на месте Вали? Два варианта. Если бы я Аксена очень любила, первый шаг сделала бы именно такой: сказала бы, что согласна, когда Федот пошел к Аксену с ножом. Но как только он оставил бы его в покое - начала бы хитрить, умолять, отказываться от своих слов... Ни за что не далась бы. Это уж точно. Потому что такие случаи были. Однажды мне пришлось ночью бороться один на один с парнем в лесу, у него был нож, и кричи-не кричи - никто не пришел бы. Помню свое состояние: умру, но не дамся. Даже страха не было, лежала и думала: куда ударит? Вдруг он сказал: «Все, вставай, я тебя не трону». Много времени спустя я узнала, почему он так себя повел, однако, как видно, истинным преступником этот парень не был. После этого мы... почти подружились и даже пошли вместе купаться, к морю. Он далеко уплыл - охлаждался. Больше он меня действительно не тронул. Испугалась уже дома.

И еще подобный случай был на Рижском взморье, под утро на пустынном пляже... Еще в Чайковском и на Иссык-Куле, но уже без ножей. Был у меня в жизни период, когда хотелось играть и рисковать. Но по-настоящему я не далась бы никому из них, это точно.

И второй вариант. Когда бы я увидела, что Аксён меня продал, я бы его возненавидела, и если бы Федот мне нравился, ушла бы с ним. А если нет... все равно не далась бы, ни за что. Постаралась бы сбежать от обоих. На защиту Аксена надеяться не стала бы - разве что для смеха.

Есть такой японский писатель и философ Аукагава. По его

рассказу поставлен великолепный фильм «Расемон». Коротко - сюжет.

Убит молодой самурай, подозревают разбойника, свидетель - жена. Свои версии рассказывают разбойник, жена и явившийся с того света дух самурая. И вот что интересно: вместо того, чтобы себя выгораживать, каждый берет вину на себя... даже самурай, утверждающий, что это было самоубийство. Почему так? Каждая из версий рисует благородство рассказчика, предпочитая казнь позору. Судья сидит в глубокой задумчивости... И тут оказывается, что есть еще один свидетель - крестьянин, наблюдавший все это со стороны и вроде бы призванный олицетворять правду. Он рассказывает, что сцена убийства на самом деле выглядела очень низко: разбойник и самурай в поединке не нападали смело друг на друга, а прятались, ползали в страхе, в то время как опозоренная жена только сидела и всхлипывала. Потом самурай уронил свое оружие, запнулся, упал, продолжая убегать уже на коленях... Разбойник подобрал оружие и добил...

Но и крестьянин не обошелся без низости. Когда уже все свершилось, подобрался к месту убийства и украл драгоценный кинжал самурая.

Что хотел этим сказать Аукагава? Наверное, так: честность и правда бывает только в мечтах. А почему я об этом вспомнила?

Вот твой «Аксён»... Сильная зарисовка, но не более. Нет глубокой мысли, характеров. Да, эскизное впечатление создается - тупости и бессмысленности (особенно поражает, что были свидетели - парни). Но это еще не рассказ.

А вот у Аукагавы - целая философия.

Так мне кажется.

Мишка, крепись.

Кончились морозы, идет весна.

Янка.

М и х а и л

Твой гениальный муж и брат, Миша. Имея такое сокровище, какое имеешь ты - такого сексуального, такого необузданного субъекта - не имеет смысла киснуть, Янка. Эх, Янка, как я соскучился по тебе, как хочу тебя, моя самая милая-милая, самая дорогая-дорогая. Кланяюсь тебе, милая.

Сейчас читаю книгу одного немца, называется «Бунт обреченных». Если она мне понравится, попробую выслать тебе. Вот то, над чем сейчас работаю, осуществляю свою программу создания цикла «Писем»...

Не раз, судьба,

За этот долгий путь

Встречали и печали и беду мы.

И вот опять - тоскующий набат,

Слетая в ночь,

Нам будоражит думы.
 Но на причале мы с тобой одни...
 Последний день до капли подытожив,
 Уходим в ночь,
 Укрывшись в воротник,
 Чтоб не глядеть вокруг в одно и то же.
 Вот почему - когда момент бежать,
 Мы кажемся смешнее, неподвижней...
 Вот почему - взывая к мятежам,
 Себе самим мы кажемся чужими.

Твой гений - Мих.

Татьяна

Медвежонок!

Я все думаю о том письме в Киев. Может, я не туда адресовала? Может, надо было вовсе не в Верховный Совет, а в Верховный суд? Но если и в суд - неужели они не передали? А если не дошло первое, то было же второе... Хотя бы одно из двух должно было дойти.

А откуда ты знаешь, что «никаких вестей». Разве, если бы они запросили твоё дело, ты бы обязательно знал? А может, они втихоря....

...Я так мало говорю о «твоем деле» (стихах). Боюсь скоропасных выводов. Вначале мне хочется прочитать все, все осмыслить, а потом уже написать свое мнение. Я боюсь быстро.

Сейчас заканчиваю перепечатывать «зеленую тетрадь» (не все, а что получше). Потом будет «белая». Но самое большое впечатление на меня произвели даже не стихи, а дневник... Вернее, стихи на фоне дневника.

Необыкновенно сумбурные дни. Так устала... вроде, от «ничего». Работы - на копейку (больше слоняешься), но целый день в цехе, среди шума... С каким благоговением и уважением полтора года назад я рассматривала шрифты, оттиски и ужасно гордилась тем, что собственноручно подписываю газету в печать. Так хорошо помню первые дежурства! А теперь они штампуются, как заведенные, ничем не отличаясь. А за газету чаще всего ужасно стыдно.

Вот я думаю: когда будет ОСНОВНАЯ работа штамповаться, как эти дежурства - конец. Надо будет или немедленно уходить из газеты или плюнуть на все и искать «для души» на стороне.

Мишка, Мишенька...

Если бы ты сейчас пришел - усталость сдуло бы, это точно. Или я уснула бы прямо на твоих руках. Да? И приснилось бы... как я лечу на звезду, как тогда. А ведь правда - сны интереснее и ярче, чем действительность? Мишка, а вот ты писал, чтобы я обняла тебя мысленно... я все время это делаю. Даже спать ложусь так, чтобы

представить, будто ты рядом. Где бы ты был, как, что.

Ты спрашиваешь, воспринимаю ли я в картинах? А не знаю. Скорее, увлекаюсь. И вот когда чем-то увлекусь, не могу поверить в плохое, очевидные недостатки оправдываю до бесконечности. Это - в картинах или как?

Мысли скачут- скачут... Лениво-лениво. Да еще и цех гудит. А мне сегодня еще чорти-куда ехать. Но это хорошо. Сидеть дома без тебя было бы куда тошнее.

Гриппом мы с Аликом так и не заболели.

А знаешь, сестра из Волгограда пишет: у них минус 34 при ветре 30 метров в секунду (при порывах - до 40). Снега нет, а несет ураган несет черную пыль. В валенках не выйти: без снега они становятся черными - раз, моментом рвутся - два, а в ботинках холодно. Кошмар, правда? А ты-то валенки носишь? Обещают страшно неурожайный, засушливый год.

Мишка, а это я писала.

Ага.

А на конверте - это мы с тобой, да? Это я специально купила. Росчерк.

Михаил

* * *

Сквозь дым тоски и злую замуть окон
Я вижу тебя ясной и нагой.
Но ты во мне, чужом и одиноком,
Сквозь призму дней
Не видишь ничего.
Ужель секрет лишь в тайне свето-тени...
Ужель мир так расплывчат и делим,
Что в суете исканий и смятений
Растаю тенью пляшущей вдали?
Но воскрешает вновь судьбы причуда
Твою мечту.
И пляшет дождь гурьбой,
И я опять, как вышедший из чуда,
Как зов души,
Стою перед тобой.

Я писал тебе в предыдущем письме о своем здоровье: я здоров, вирусное уже прошло, осталось несколько болезненных воспоминаний и не подтвердившихся опасений.

Целую. Будь здорова и терпелива. Твой гений.

7 марта 69 г.

Татьяна

7 марта 1969 г.

«Все равно в каком аду,
В этом или в том,
Все равно под чью дуду
Быть шутом», -

это сегодня Дима пел «Загробную журналистов» (зачеркнуто).

Аnekdot. Четыре еврея определили историю человечества: Иисус Христос, Моисей, Маркс и Эйнштейн. Первый дал людям веру, второй - надежду, третий - закон, а четвертый доказал, что все относительно.

Это для смеха.

На самом деле мне очень грустно, Миша. Грустно, что ты болеешь, что мы врозь. Все представляю, как когда-то болела я, и как мне бывало тяжело (особенно от беспомощности - хочешь что-то сделать и тут же валишься). Вот, думаю, и ты так... Завтра восьмое марта. Народ празднует - гуляет. А мне от этого, как всегда, еще более одиноко. Иногда иду аллеями парка и закрываю глаза плотно-плотно... представляю: вдруг открою их и повстречаю тебя.

Мишка... Когда же я получу весточку, что у тебя дела идут на поправку. Я не боюсь, что ты, получив это письмо, тут же обманешь меня, сообщив, что все хорошо. Ведь письмо будет идти, дай Бог, неделю. А за это время... неужели?

Сегодня 8 марта.

Проснулась поздно и долго лежала под одеялом, думала: хорошо бы не вставать весь день... У женщин праздник, все куда-то торопятся, чего-от ждут... Хотелось лежать бесконечно, потом снова заснуть, чтобы хоть во сне увидеть тебя.

И я все гадала: получу ли сегодня твою телеграмму? Конечно, понимала, что если даже и не получу - это не более как капризы кунгурячей почты, и думаю, что даже надо настраиваться: не получу...

Снег летит. Еще зима.

Читаю твои последние письма и опять плачу. Нет, Мишка, это ничего... Это же время - оно уйдет, убежит, как вода...

Сегодня почту не носили совсем.

Т.

Михаил

8, mart, 69 г.

Да, ты права, говоря, что тебе плохо, одиноко и пусто, что сильно хочешь меня, что тебя все злит и настораживает, ты права,

моя девочка, моя добрая и милая. Я и сам хочу махнуть на все и на всех, кроме тебя, моя добрая-добрая душа. Я хочу уйти - не имеет значения, куда, неважно, зачем, почему только уйти - и все. В никуда, в смерть, в вечность... Но только с тобой - так ты дорога и необходима мне, утешительница моя. Человечество не имеет вечного грядущего. Настоящее - дрянь. Это оскотоподобившееся обезьянье стадо... уже мертвое, нет-нет, оно и не рождалось. Это - бродячие призраки из царства теней. Как хочется жить, но как это трудно... ни во что не веря. О люди, люди! Они всегда во что-то играют, даже взрослыми, старыми. Проклинаю испражнения природы, этих вечных «волков» и «ковецов», вечный скот. Они братья только тогда, когда их мало, щедры только тогда, когда бедны, когда им нечего отдать другому... добродетельны, когда палачи. В жизни так мало праздничного. Они удвоили эти «праздники», чтобы скрыть свою нищету, самообман, бесправие. Они сидят на гигантской куче костей, сидят в болоте собственных предрассудков и глупостей, тараща бараньи глаза в «Будущее». Хлев их - мир.

Так трудно жить, так невыносимо-одиноко. Все вокруг - грязь и мерзость, ложь, подтасованная под нерождавшуюся правду. Вот почему я боюсь верить, не хочу...

Я хочу тебя, хочу совсем нагой, безумной в своем беспамятстве, развращенной (..... - зачеркнуто мной, ТС) в падении, только такой я хочу тебя... Больше мне ничего не надо, никто... Нужна такая, какую я знаю, знал уже, такая, как есть. Ты первая - кто только на эхо, только на тень - пошла ко мне, чтоб отдать мне свою ложь, свою правду, свою веру и неверие, надежду и иллюзии, отдать все, что есть у тебя. И я благословляю и люблю тебя за все-все.

Ты не бойся, я всегда буду с тобой, потому что я одинок и велик, потому что мне нет нигде больше пристанища. Ты не пугайся, моя горемычная, моя сестра, со мной ничего не случилось. Просто мне нужно разрядиться немного, только и всего. Поэтому я и просил тебя писать всякие письма, чтобы можно было самому писать всяко и обо всем. Всю-всю тебя целую, до дурмана, до изнеможения, нагую и послушную. Я хочу целовать твою грудь, и ноги выше коленей, и шею твою целовать, целовать, целовать и делать чуточку больно и очень-очень сладко, сладко и приятно до усталой истомы...

Ты только выше голову! Плюй на все. (Зачеркнуто мной).

.....
Успокойся, живи и жди нашей встречи. У нас погода несколько попортилась. Дует ветер. Несет и сеет сырой снег. Несколько дней подряд нет солнца. Больше похоже на глубокую осень, чем на весну. Если бы не запах таежной свежести и смолы, который изредка приносит ветер, то смело можно было бы считать это осенью. Как я хочу нашей с тобой близости... Твой Мих.

.....
Я сейчас дежурю. Завтра пойдет почта, хочу побыстрее отправить это письмо, меньше будешь скучать... по себе знаю. Хотел

было послать тебе кое-что из своей мазни, но теперь не получится - не взял с собой тетрадь.

Я нас уже почти весна, Янька. Все последнее время (дней десять) стоят теплые дни. Среди дня снег тает вовсю. Поскорей бы уж проходили эти месяцы, да приехала бы ты. Все-таки, что ни говори - мы знаем, что живем друг для друга, нуждаемся, надеемся, верим, но разве все слова, Янька, заменят хотя бы 5-10 минут вместе... Ничего, Янька, как бы оно там ни было, но остается ждать меньше и меньше.

А относительно твоего раздражения на работе... Нужно пристальнее вглядываться в то, что тебя раздражает, чтобы понять причины, или совсем не обращать внимания, помятуя, что так и должно быть... Потому что без этого ничего не останется от прожитого, останется НЕЧТО, но и оно будет выглядеть, как непонятность, серый ком. Может, тебе трудно в сексуальном вопросе? Если так, то и тут - надо потерпеть. И вообще, Янька, ты должна учиться смотреть на вещи (повседневное) проще. Когда у тебя есть любимое дело, любимый человек, эта сторона жизни крепка и надежна - нужно, Янька, стараться жить четче, продуманней, разумнее, понятнее для себя, сознательнее, что ли.

Ты же знаешь меня, знаешь мою жизнь до нашей встречи, после этого знаешь мои больные места, но когда я нашел тебя, когда убедился в тебе - жить мне, Яня, стало много-много легче. Наши отношения превратили мою жизнь из некоего сумбурного кружения в осмысленное движение к моей, к нашей общей цели. Легче ли мне стало жить во всех отношениях? Нет, Янька. Мне стало трудней. Но живя и маясь сейчас, уставая, нервничая, я знаю, почему это так: если раньше я не отдавал (мог не отдавать) отчета своим словам, поступкам и пр., то теперь, что бы я ни делал, что бы ни говорил, я должен помнить: рядом со мной идет тот, кто будет постоянным свидетелем моих действий и отношений, моих взлетов и падений, всей моей жизни.

О, я отлично понимаю, какой резонанс может быть от неудачного, ошибочного, беспринципно сказанного слова, непродуманного действия, а иногда - движения, мимики даже. Но это у меня к себе такие требования. Тебя я не собираюсь учить, не хочу, не имею права. У тебя свое: склонности, слабые и сильные стороны в поведении и личных отношениях, своя мерка...

Хочу сказать только одно: если у нас есть общее, нечто объединяющее, то нужно стараться разумно сосредотачивать свои силы, знания и умения... чтобы даже наши отрицательные качества превращались в достижения... что может послужить примером и для других, более слабых, менее опытных...

Ну, Янька, ты извини мне менторский тон, я хочу, чтобы тебе было легче.

По этому письму ты, конечно, поймешь, что я уже здоров, как бык на «ферме», и очень-очень хочу прижаться к тебе..... Целую тебя, целую, моя милая, моя добрая, моя девочка, целую всю-всю,

как тогда...

Твой Мих. гениальный.
Обнимаю и кланяюсь.

Яня, Янька... какая ты молодчина, как гениально ты устроена, милая-милая. Я уже не хочу писать о том, что все будет хорошо - я это знаю, раз появилась ты.

Ты мне когда-то написала, что если со мной что-то случится, если меня постигнет беда, то ты приедешь, раздelaешься с виновным и уйдешь со мной, никакого ни о чем не жалея. Янька, я так обрадовался! Это самая светлая и радостная, самая счастливая пора в жизни. Я был переполнен гордостью за тебя, так переполнен какой-то непонятной энергией, что кое-кому похвалился этим... Только ты не обижайся на меня за это, ладно, Яня?

У меня, когда я прочитал эти слова, было очень, очень странное состояние... Чуть слезу не пустил, ей-Богу! И я сказал себе: либо я должен верить этой женщине, либо умереть, иного выхода нет, да я и не хочу иного. Мне так хорошо с тобой, Яня, так хорошо, что я даже не знаю полноты выражения этого счастья.

Мы лежим с тобой - совершено близкие, совершенно свои - и после всего: либо я читаю стихи тебе, либо ты мне, или просто мы лежим и говорим о нашем общем деле - о литературе... Что же может быть еще прекраснее этого? Но знаю: может, есть еще что-либо, но то, что было настоящее, чистое, светлое и желанное, желанное всегда, потому что я знаю: и для тебя будет недостаточно одного секса, а чтобы это... не стало тяготить - нужно, кроме всего прочего, иметь общий жизненный интерес, которому придется занимать далеко не последнее место. Мы сможем друг друга понять и полюбить, полюбить по-настоящему - любовью, которая кончится вместе с жизнью.

Одной чувственности мало... Вначале - да, она играет большую роль, потому что тесно взаимодействует с верой в того, кто должен потом стать либо другом, либо врагом. Яня, Янька, я прошу тебя, милая: не перегружай себя моими бумагами, брось все к чертовой бабушке, пусть лежит и ждет. Ну, целую тебя, целую, моя кроха!

... Не буду писать большое письмо, но несколько строк... Ты же, Янька, будешь скучать. А потом я послал тебе скучное письмо, последствия которого уже прошли.

Высказываться нужно, и легче становится самому. Как там у тебя? Сегодня же март, уже 10-е число! Янька! Готовь себя к старту!

О каких письмах я говорил? Я просил, чтобы ты не писала о международной жизни - мне это неинтересно и... я все знаю сам и, пожалуй, даже раньше, чем ты: читаю газеты, слушаю приемник, вот. Лучше уж пиши что-нибудь другое.

Да, я прочитал «Бунт обреченных». Это как-то перекликается с «Глазами...» И, наверное, не стоит высыпать ее. А когда я болел -

ходил работать. Но уже все прошло, Янька, я здоров.

Погода у нас испортилась: сильно метет. Снег сырой, и тепло, но тяжело как-то. Бумагу мараю: осталось исписать 20 листов. Что-то получается, а может, мне это только кажется - самому свое нравится, а вот другим - посмотрим... Я пошлю тебе одно-два стиха: почитаешь, поглядишь. Только не старайся, читая, приурочивать все к повседневности.

* * *

Заблудило ветром по полям
Счастье...
И не спится.
Не поймал я в небе журавля,
А поймал синицу.
... Ты мне пела, чтобы я утих
И уснул подоле...
Что и мне, пожалуй, не найти
Доли от недоли.
Что и мне - как прочим, на роду
Выпало такое:
Не забыться от нелегких дум,
Не найти покоя.
Все скитаться, много зим и лет -
Ни друга, ни крыши -
На родимой, на своей земле,
Словно я здесь лишний.

* * *

Далекий друг, тот путь, где шли мы оба,
Не вспоминай, не воскрешай те дни.
Умру - не плачь, не мучайся у гроба,
Лишь, глядя в даль, печально улыбнись.
Не надо, друг, не надо и не надо.
Все это - жизнь, и в этом были мы.
Не зная рая - что бояться ада?
Не зная света - что страшиться тьмы?
Конечно, жаль, что били в нас с упора
И заставляли верить в миражи...
Конечно, жаль, что мы в иную пору
Не жили так,
Как нужно было б жить.

Целую тебя, Янь-ка... Твой Мих.
10 марта 69 г.

* * *

Зима вокруг.

И в сердце злая,
 Как лед, холодная зима.
 И буря бьет, и ветер, лая,
 Все выметает, изломав.
 А где-то даль уж засинела...
 И солнечная теплота
 Скользит по мне окаменелом,
 Не согревая, просто так.
 Мои глаза, как два провала,
 Без боли и без чувств иных
 Глядят сквозь века покрывало
 Из затаенной глубины.
 Куда простерты руки обе
 И дух, и тяжкий разум мой?
 В страну легенд, в страну надгробий
 И истины - теперь немой.,
 Где все - кто служит и кто правит
 Безвольным духом стран иных,
 Где жертвы права и бесправий,
 Где все неравные равны.
 И думы, думы лютой стужей:
 Кто умер - я или же вы?
 Лишь ветер тянет песню ту же -
 Заупокойный гимн живым.
 mart, 69 г.

* * *

Бушует снег, шумит хвоя.
 И сквозь буран и отдаленье
 Неясный голос слышу я -
 То ли борьбы, то ли моленья.
 Не то... В смешенье буйных сил,
 В их дисгармонии и дрожи
 Я вдруг в сознанье воскресил
 Весь цикл замкнувшийся,
 Что прожил,
 От мнимых взлетов до крушений,
 Что вижу нынче свысока...
 И только не найду решений -
 Куда идти и что искать,
 Где каждый миг судьбы оплачен
 За боль других и за свою.
 О чем же снег и ветер плачут,
 Или о чем они поют?
 Хочу бежать, а буря воет,
 И некто с нею грозен, дик,
 Моею машет головою,
 К распятию тело пригвоздив.

Я-неч-ка... Янька... Яня... Милая, я очень тебя люблю, оч-чень! Яня! Янька, у меня повызыдали все микрошки! Все! И я уже тебя не заражу... Скорей бы уж лето, что ли!

Целую, целую, целую тебя, моя трусиха!

Кланяюсь и люблю!

Твой липовый гений Мишка.

Янька, пользуясь случаем - завтра должна уйти почта - напишу несколько строк... Прочтешь, меньше будешь скучать.

На днях ты мне приснилась, но опять как-то не совсем так, как я хотел бы - слишком туманно и сложно, но даже в такой обстановке мы умудрилась иметь с тобой... такие сны - это результат...

Собственно, а почему сны должны быть иными? Мы же еще не привыкли к себе самим так, чтоб могли без труда являться друг другу в сновидениях, верно?

Я опять пишу во время дежурства. А знаешь, почему? У меня первые три часа смены очень шумные, а когда пишу, время идет быстрей, да и экономится. В свободное от работы время могу писать свои мазилки.

Н. уехал, теперь уже совсем. Так и разошлись чужими, не сделав попытки к пониманию даже в последний момент. *Finita la comedia!* Что ж, может, оно и к лучшему. Он не был мне ни другом, ни врагом. Для врага - слишком мал и непонятлив. Для друга - стар и непоправимо сформировавшийся. И я об этом нисколько не жалею. Мне даже нравится, когда от меня уходят... Потому что сам ухожу тяжело, очень, долго помню, сильно страдаю.

Погода у нас испортилась: снегопады, ветер, метель, сырость. В такую погоду мне очень тяжело думается... Нет, думается-то легко, а вот мысли тяжелые и мрачные, точно такие, как эти ранневесенние облака - ползут-ползут, и ни конца им, ни начала. А пишется - легко, но уж очень грустно получается. А - не беда! Будет другая жизнь, другие думы, песни... Все образуется - верно, Янька?

Пусть я трус, пусть боюсь неверия, пусть, но сейчас у меня есть ты. А это значит - у меня есть вера, есть та, кто любит, оберегает, помогает жить и идти к цели, разделяя радость и горе пополам.

Может, кто-то скажет, что я измельчал, живя 14 лет ничем, малым, ну и пусть... Нужно уметь жить иллюзиями, ничем, когда больше жить нечем. Нужно было прожить эти четырнадцать... и заставить верить в себя. Да, я вот сейчас пишу и думаю о тебе, о нашей прошлой встрече: вижу тебя, как ходишь по комнатенке, ходишь совсем нагая, как первобытная женщина, как дикарка, чем-то занята... А я лежу и смотрю на тебя, и мне нисколько не дико, ничуть не стыдно, а как раз все наоборот. Так свободно-свободно, как было бы, наверное, когда мы бы знали, что нас только двое... на всей Земле. И светило бы еще не жаркое предобеденное солнце, росли папоротники, а мы ходим и собираем какие-то травы и корни, не зная, что через много тысячелетий... будет индустрия и цивилизация, проституция и обязательный восьмичасовой рабочий день, тюрьмы и лагеря...

Вот почему
Так жарко средь зимы,
И холодно и знобко среди лета.

Ну ладно, Янька, довольно фантазии, правда?

Так мало нам ответного в реальном,
Так тесно на такой большой земле...

Целую тебя, моя медвежиха, всю-всю-всю!
Твой Гениал Гениалыч.

12, mart, ночь.

Т а т ь я н а
Сегодня 13-е марта.

Писем от тебя нет со второго... Это там, где ты писал, что болеешь.

Впрочем, это, может, виноваты почтальоны. Вчера почту не носили вообще - ни писем, ни газет. В прошлом году твою телеграмму Восьмого марта «замотали». А может, и в этом? Если посыпал - пришли квитанцию, пойду поругаюсь с ними. Это ж они что угодно «замотать» могут. Хорошо, что хоть к Нине в праздники дошла.

На днях ездила в Краснокамск - неудачно, только деньги растратила. На душе ужасно пусто второй день. Знаю, что надо что-то делать, но ничего не делается. С одной стороны, совестно... С другой - почему никто не обращает внимания, что я бездельничаю? А потом налетят: а что сделано за такие-то дни? Да ничего!

Послезавтра меня поставили дежурить в субботу (опять несчастная суббота!), а в воскресенье - дежурить на агитпункте.

Миша, я как-то опупела.

Честно.

Опять идет снег.

Т...

Фотография: Это я, Лева Заботин и Наташа.

М и х а и л

14 mart, 69 год.

Вчера написал тебе письмо, но почта не ушла. Напишу еще и это, пусть идут вместе - два, конечно, получить приятнее.

Да, я писал тебе: ты не перегружай себя, хотя бы меньше занимайся машинкой (печатанием моих мазилок). Это мы будем делать вместе. Ты уже сколько просишь, чтобы я крупнее и разборчивее писал, что очень трудно глазам.

Прости меня, Таня, в новой тетради буду писать так, как нужно.

Прости. Что-то хотел написать тебе, какую-то важную (по-моему) штуку, но вот никак не могу вспомнить... А может, она и не очень важная, раз забыл. Тогда буду писать просто так.

Таня, а кто делает слова? Ну эти, какими мы пользуемся в разговоре, кто придумывает? Например, если у нас говорят о проволоке - сталистая, то все понимают: крепкая, высокоуглеродистая, с большим процентом. Кремнистая, бромистая, хлористая - думаю, понятно?

Дело, конечно, вовсе не в принципе: у стали много марок, в то время как кремний - только один. Но ведь когда говоришь: сталистая - понятно!

Ладно, раз нельзя так, то и спорить нечего. Я только хочу сказать, что это слово не вульгарное и для поэзии вполне подходящее. Если бы у тебя была возможность проверить на живучесть это слово, думаю, ты спорить не стала бы. Достаточно было бы тебе спросить: «Сталистая ли это проволока?» - и ответ был бы: «Да», или: «Нет, она мягкая».

За эти дни я кое-что набросал, но оно в казарме лежит... Ты уже знаешь, наверное, на какой бумаге я пишу, если с работы.

А это верно - я же тебе говорил, что поймешь сама, какой я сделал скачок, и только с твоей помощью. Теперь вот что... Здесь есть девочка (дочь моего сменщика), удивительнейшая, умница, у нее (по-моему) - потрясающий талант шахматистки. Я несколько раз наблюдал ее игру и, признаться, был ошеломлен. Но она еще маленькая, в первом классе. Как ты считаешь - сможет ли это увлечение (в таком возрасте) сыграть отрицательную роль. в смысле школьных занятий, а? И не сможешь ли ты найти какое-нибудь пособие, чтобы она могла изучать теорию игры (по-детски, конечно)? Если да, то вышли.

Да, я уже дописываю белую (старую) тетрадь, осталось 15 листов, а это - 30 стихов, 30 надежд, 30 радостных (а может, горестных) потрясений. И все-таки... грустно, что кончается тетрадь, будто с ней кончается большой отрезок жизни, которого больше никогда-никогда не будет... Станет сладким, но бессильным, дорогим, но утерянным, станет воспоминанием, может, самым чистым и близким мне воспоминанием, потому что все это связано с тобой... Яня... о моя милая-милая, Танька, конечно, это не все. Есть же у меня еще одна белая тетрадь, но я наверняка когда-то и о ней скажу то же самое, может, только другими словами. Танюшенька... Ну как ты там? Скучно тебе, да, Танька? Ну ничего, ничего, уже март прошел, остается два месяца до встречи, а до старости... Да до смерти - ого!

Для всего у нас будет время, для всего, милая и добрая моя душа, обещаю тебе.

Храни тебя господь! Целую, обнимаю и кланяюсь.
Твой Михаил.

Вот как оно получается, первые два листка писал 14 марта, а этот - 15. Подумал-подумал и решил написать еще... Может, что-то приятное получится. Я всегда хочу делать тебе хорошее, но ты же знаешь, что нет, кроме писем, больше ничего такого... Я хочу, чтобы слово помогало тебе. Знаешь, я почему-то думаю, что о тебе мало заботятся даже родные. А может, это так и надо? Ты ведь уже взрослая, и должна сама себе помогать. А мне все равно стыдно, что ничего не могу поделать. Конечно, если б ты была рядом, я б тебя обнял, приласкал, а может, вместе сочинили бы что-нибудь, как тогда... А сейчас я хочу тебя обнять сильно-сильно, крепко-крепко и не отпускать. И еще, я сильно-сильно хочу тебя...

Мне очень нравятся твои последние письма, особенно те, в которых ты откровенна со мной - хочешь меня. Да и не только это - все в них хорошее. прочувствованное, близкое и располагающее. А потом... Потом, я думаю, что исповедь всегда приносит облегчение - что-то отдаешь. Вот так и пиши. Нет, писать-то ты можешь всяко, но исповедь - всегда, я должен жить твоей жизнью, а она теперь наша, общая, Танюшечка, Таня, Танюша. А сейчас дремучая ночь, 22 минуты третьего, ты уже спишь, и у меня такое состояние, что ты где-то совсем-совсем близко, что мне стоит только пойти куда-то, и я тебя непременно увижу, увижу: спящей, маленькой, взлохмаченной, такой хорошей-хорошой, какую знаю, какая ты есть.

Ладно, я не буду тебя тревожить, спи, моя маленькая, моя медведишка, спи. А я еще посижу, помечтаю. Да мне и спать-то нельзя - дежурю.

В девять пойду в казарму, завтракать. Немного посплю, но это будет днем. Потом? Буду ждать писем от тебя, в субботу привозят почту, на «мотодригуш».

Следующее твое письмо должно быть датировано 8-м марта. Интересно, что ты напишешь? А не все ли равно, я ведь радуюсь любой вести от тебя. Почему-то вспомнил: когда ты приезжала под Новый год, мы пошли к Женьке домой. Пришли. Разделись. Ты была рада, но несколько смущена, в глазах угадывались настороженность и пытливость, но это было недолго. Стоило мне прикоснуться к тебе, как все прошло, и мы стали близкими. Ты была в черной юбке (говорила, что шила сама, но это ты потом говорила) и в кофточке. Кстати, тебе очень идут юбка и кофта, лучше, чем платье. В нем ты выглядишь какой-то домашней, как в халатике. А еще мы топили печь, варили манную кашу и кисель, и ты сделала что-то смешное. Я тебе сказал об этом, и мы посмеялись - кажется, ты налиvalа кашу через ушко кастрюли (14). Я все-все вспоминаю, все.

Ну ладно, Янька, оставляю остальное тебе. Надо же и мне что-то, чтобы легче было ждать.

Говорят, что эта весна будет «ранняя и дружная, с большой водой». Скоро бездорожье. Опять не будет почты. Ты тоже запасайся терпением... Но если весна и правда будет такой, дорога скоро наладится. Целую тебя, мой милый-милый человек! Мишка.

Будь добра и терпелива. Целую... и все остальное, что ты хочешь.

П р и м е ч а н и я

- 1 - сцепка двух вагончиков с мотором, по узкоколейке осуществлявших связь головной станции Чепец с поселениями
- 2 - начальник политотдела в Чепце
- 3 - лагерное начальство в Глубинном
- 4 - смотри «Приложение»
- 5 - не обустроенные горячие ключи на северном берегу Байкала
- 6 - заведующий идеологическим отделом газеты «Молодая гвардия» Пермского обкома ВЛКСМ, где автор этих строк работал в те годы литсотрудником
- 7 - редактор газеты «Молодая Гвардия»
- 8 - Иван Ежиков, Алик Иванов, Дима Ризов, Ирина Христолюбова, Тамара Коркина, Боря Львов, Валерий Виноградов (Вин) - сотрудники
- 9 - Нина Чернец - пермская поэтесса трагической судьбы
- 10 - речь идет о получении документа о разводе Михаила с первой женой Любой (по новому паспорту - Татарковой). Без этого документа в загсе нас могли бы не расписать.
- 11 - сорт людей, придуманных Геннадием Дерингом - впитывающих начальственную и иную глупость.
- 12 - писатель и переводчик, из профессорской семьи Грековых, по мужу - из рода князей Волконских. В революцию ребенком ее вывезли за границу. Жила во Франции и Чехословакии, во время Первого Международного фестиваля молодежи (1948 год) перевела на чешский язык «Гимн демократической молодежи». Позднее с семьей перебралась в Аргентину. Страстный поклонник СССР, в 1961 году вернулась на Родину, но в столицах ей жить запретили. Осела в Перми.
- 13 - советские танки на улицах Праги
- 14 - кастрюля была очень большая, каша очень жидкая. А половника нет. Удобно: за одно ухо поднять - в другое льется, и даже ручку почти не пачкает.

Михаил Татьяна

ОБНИМАЮ... ТВОЙ

Объем - 92 стр.
Формат - 148x210

Вологда, "Свеча"
2005